PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

4

АПРѢЛЬ 1958 APRIL

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ день Пасхи 1845 года Филарета, митрополита Московскаго. 3

Слово въ недѣлю о Ѳомѣ приснопамятнаго архіеп. Симона. 7

Первыя слова Господа Спасителя въ день Его воскресенія. Архим. Антонина Капустина. 9

Стихотвореніе. Л. Даль. 11

Жены Мvроносицы. Стихотвореніе. М. В. 12

Свѣтлая ночь Воскресенія. 22 апрѣля 1861. 12 апрѣля 1859. К. П. Побѣдоносцева. 13

Неугосимое пламя. Лидіи Кобеляцкой. 17

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Ольги Петровой. 23

Житіе св. Великаго Марка Аѳинскаго. 27

Страданія св. священномученика Артемона. 29

Житіе св. Акакія. 31

Житіе св. Ѳеодора Сикеота. М. В. 32

Имѣются на складѣ

«Новые Мученики Россійскіе».

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Протопресвитера М. Польскаго.

Цѣна книги 2. 75 долл.

Въ книгѣ 350 страницъ и много иллюстрацій. Въ ней помѣщены житія и страданія: Епископата, Духовенства, и мірянъ замученныхъ большевиками. Кромѣ того помѣщены дополненія и исправленія къ первому тому.

На книжномъ складѣ есть еще небольшое количество

ПЕРВАГО ТОМА,

300 стр. 1949 г. Цѣна 2. 00 доллара.

Слово въ день Пасхи 1845 года

ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Христосъ воскресе!

Уже провели мы нѣсколько торжественныхъ и знаменательныхъ часовъ величайшаго изъ праздниковъ. Приходитъ на мысль спросить: довольно ли поняты нами самыя первыя минуты сего торжества? — Возвратимся отъ сего свѣтлаго дня къ прошедшей, сперва темной, а потомъ не менѣе дня свѣтлой ночи, и размыслимъ о томъ, что происходило.

Въ полночь поспѣшила собрать насъ Церковь для начатія торжества. Почему такъ? — Потому, что желательно было, сколько можно, сблизить начинательное время празднованія съ вре-

менемъ празднуемаго, то есть, воскресенія Христова. Время сіе не совершенно намъ открыто. Когда Мѵроносицы, при восхожденіи солнца, пришли ко гробу Господню: онъ уже былъ открытъ, и Ангелы возвѣщали воскресеніе Христово, уже совершившееся. Гораздо ранѣе потряслась около гроба Господня земля, Ангелъ отвалилъ отъ гроба камень, и свѣтомъ своего явленія привелъ въ ужасъ, и тѣмъ удалилъ стражей, чтобы открыть Мѵроносицамъ и Апостоламъ свободный доступъ ко гробу. Еще ранѣе совершилось воскресеніе: поелику оно совершилось еще при запечатанномъ гробѣ, какъ свидѣтельствуетъ хранительница Христовыхъ таинъ святая Церковь; но только не прежде полуночи, поелику оно, по предреченію Господню, долженствовало быть тридневное, и потому войдя хотя въ первые послѣполуночные часы дня послѣ-субботнаго. Въ сихъ-то часахъ сокрытую, безпримѣрно высокую и чудесную минуту воскресенія желали мы уловить началомъ нашего торжества, чтобы праздникъ, по возможности, составлялъ едино съ празднуемымъ событіемъ, такъ какъ и празднующіе призываются быть едино съ Творцемъ праздника.

Непосредственно предъ вступленіемъ въ торжество Христова воскресенія мы воспѣли пѣснь тридневнаго погребенія Христова. Для чего сіе? — Во-первыхъ, и здѣсь порядокъ воспоминаній слѣдовалъ порядку воспоминаемыхъ событій: поелику воскресеніе Христово явилось изъ состоянія тридневнаго погребенія Христова. Во-вторыхъ, предъ самою радостію возбужденная благочестивая печаль должна была приготовить къ болѣе правильному и ясному сознанію и живому ощущенію слѣдующей за нею Божественной радости.

Къ торжеству приступили мы пѣснію, въ которой исповѣдали, что воскресеніе Христово Ангелы поютъ на небесахъ; потомъ и себѣ просили благодати славить оное чистымъ сердцемъ; и сія пѣснь вначалѣ возглашена въ затворенномъ олтарѣ, когда церковь еще молчала. Что значитъ сей чинъ? — И здѣсь видно послѣдованіе событію. Ангелы узнали и прославили воскресеніе Христово прежде человѣковъ: ибо человѣки узнали оное вначалѣ отъ Ангеловъ. Небо не отверзлось видимо для земли, когда Христосъ отверзъ оное невидимо, силою креста Своего, и, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Своимъ, ввелъ въ оное Патріарховъ, Пророковъ и Святыхъ ветхозавѣтныхъ, при славословіи Ангеловъ. Вѣрою, а не видѣніемъ знаемъ мы сей торжественный крестный ходъ Церкви небесной: и, чтобы наше знаніе о немъ было не слишкомъ темно, и образовательное подражаніе оному въ Церкви земной не слишкомъ мертво, для сего имѣемъ нужду просить отъ Христа Бога благодати и чистаго сердца; потому что «чистые сердцемъ Бога узрятъ» (Матѳ. V, 8.).

Испросивъ отъ Самого воскресшаго Христа помощь, чтобы достойно славить Его, мы начали славить Его весьма необыкновеннымъ чиномъ. Оставивъ олтарь и храмъ, мы остановились въ ночи, на западѣ, предъ затворенными вратами храма; и тамъ возгласили первое славословіе Пресвятой Троицѣ и Христу воскресшему. Кадило и крестъ отверзли намъ врата храма; и тогда изъ тьмы внѣшней вошли мы въ его внутренній свѣтъ, и неудержимо предались восторгамъ праздника. Здѣсь видны такія необычайности, что ихъ надлежало бы признать несообразностями, если бы не предположить въ нихъ сокровеннаго и глубокаго знаменованія. Какое жъ это знаменованіе? — То самое, которое мы отчасти уже указали. Въ видимыхъ дѣйствіяхъ Церкви земной по возможности начертанъ образъ невидимаго торжества Церкви небесной.

Это есть древній и высокій законъ церковнаго Богослуженія, чтобы въ немъ представлялись образы небеснаго. Такъ святый Апостолъ Павелъ о ветхозавѣтномъ священникахъ пишетъ, что они «образу и сѣни служатъ небесныхъ» (Евр. VIII, 5.). Христіанская Церковь ближе къ небесному, нежели ветхозавѣтная. Ветхозавѣтная представляла большею частію образы нисхожденія небеснаго на землю, — воплощенія Сына Божія: Христіанская, послѣ сошествія Его на землю, наипаче должна представлять то, какъ онъ, по выраженію пророка, «восшелъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ» (Пс. LXVII, 19.), или, яснѣе сказать, плѣнниковъ и рабовъ ада уловилъ и извелъ въ свободу и блаженство, «пріялъ даянія въ человѣцѣхъ», то есть, Своею крестною заслугою пріобрѣлъ человѣкамъ право на благодатные дары Святаго Духа.

Воскресеніе и восхожденіе Христово началось не отъ гроба только, но и отъ ада: ибо, по крестной смерти Своей, Онъ былъ, какъ исповѣдуетъ Церковь, «во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ. Даже до ада нисшелъ Онъ, и тамо сущую тму разрушилъ». До сего, хотя Патріархи, Пророки и Праведники ветхаго Завѣта не были погружены въ глубокой тмѣ, въ которой погрязаютъ невѣрующіе и нечестивые: однако и не выходили изъ сѣни смертной, и не наслаждались полнымъ свѣтомъ. Они имѣли сѣмя свѣта, то есть, вѣру во Христа грядущаго: но только Его дѣйствительное къ нимъ пришествіе и прикосновеніе Божественнаго свѣта Его могло засвѣтить ихъ свѣтильники свѣтомъ истинной небесной жизни. Ихъ души, какъ мудрыя дѣвы, были близъ дверей небеснаго чертога: но только ключъ Давидовъ могъ отпереть сіи двери; только Женихъ небесный, Который изъ сихъ дверей вышелъ, могъ войдти въ нихъ обратно, и ввести за Собою сыновъ брачныхъ. Итакъ Спаситель міра, послѣ того, какъ

въ видимомъ мірѣ распялся и умеръ, въ мірѣ невидимомъ даже до ада нисшелъ, и души вѣрныхъ озарилъ, и отъ сѣни смертной извелъ ихъ, и двери рая и неба имъ отверзъ; и, паки въ видимомъ мірѣ, «свѣтъ воскресенія показалъ».

Не примѣчаете ли теперь, какимъ образомъ сіе невидимое Церковь соединила съ симъ видимымъ, и одно въ другомъ изобразила? Какъ бы вмѣстѣ съ обитателями невидимаго міра, на западѣ, во мракѣ ночи, какъ бы въ сѣни смертной, стояли мы предъ затворенными вратами храма, какъ бы предъ затворенными вратами рая. Чрезъ сіе Церковь хотѣла сказать намъ: такъ было до воскресенія Христова, и такъ было бы вѣчно безъ воскресенія Христова. Потомъ славословіе Пресвятыя Троицы и Христа воскресшаго, крестъ и кадило намъ отворили врата храма, какъ бы врата рая и неба. Чрезъ сіи знаменія Церковь сказала намъ: такъ благодать Пресвятыя Троицы и имя и сила Христа воскресшаго, вѣра и молитва отверзаютъ врата рая и неба. Горящія свѣчи въ рукахъ нашихъ не только знаменовали свѣтъ воскресенія, но въ то же время напоминали намъ о мудрыхъ дѣвахъ, и возбуждали къ готовности, со свѣтомъ вѣры, съ елеемъ мира, любви и милосердія, срѣтить второе, славное пришествіе небеснаго Жениха въ полунощи временъ, и найти для себя отверстыми Его царскія двери.

Вотъ нѣкоторыя черты нынѣшняго церковнаго тайноводства! Будемъ внимательны, братія, да будемъ и вѣрны таинственному руководству Матери-Церкви!

Торжествуя Христу, для насъ воскресшему, да взираемъ въ тоже время умиленнымъ сердцемъ на Христа, за насъ распятаго, страдавшаго, умершаго и погребеннаго, чтобы радость не забылась, и не сдѣлалась несмысленною. Только тотъ имѣетъ полную и неотъемлемую радость воскресенія Христова, кто со Христомъ и самъ воскресъ внутренно, и имѣетъ надежду воскреснуть торжественно: а сію надежду имѣетъ только тотъ, кто пріемлетъ участіе въ крестѣ, страданіяхъ и смерти Христовой, какъ учитъ Апостолъ: «аще сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ» (Римл. VI, 5.). Съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся (Римл. VIII, 17.). Праздничная радость, которая забываетъ крестъ и смерть Христову, призывающая насъ къ распинанію плоти со страстьми и похотьми, находится въ опасности — начатое духомъ скончать плотію, и празднующихъ воскресеніе Христа превратить въ распинающихъ Его вторично.

Въ слѣдъ за Ангелами вступили мы въ торжество Христова воскресенія; съ Патріархами, Пророками и Праведниками образно въ немъ соединились; какъ въ рай и въ небо, введены въ Церковь для празднованія. Подумайте же, каково посему должно

быть празднованіе наше! Оно должно быть близко къ Ангельскому; должно быть достойно общенія съ небесною Церковію Патріарховъ, Пророковъ и прочихъ Святыхъ; должно быть достойно рая и неба. Не думайте, что сіе требованіе слишкомъ велико и неисполнимо для нашей немощи. Кто празднуетъ чистымъ сердцемъ, тотъ празднуетъ съ Ангелами. Кто празднуетъ съ любовію къ Богу и воскресшему Христу, и въ духѣ братолюбія къ ближнимъ, тотъ празднуетъ въ общеніи съ небесною Церковію; поелику небо есть не иное что, какъ царство любви Божественной; и если, какъ увѣряетъ тайновидѣцъ, «пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ» (1 Іоан. IV, 16.), то пребываетъ онъ, конечно, не ниже рая и неба. Но если не очень трудно возвыситься, чтобы праздновать въ общеніи съ Ангелами и Церковію небесною: то, къ прискорбію, очень не трудно и отпасть, и удалиться отъ ихъ общенія. Кто радость духовную погружаетъ и погребаетъ въ веселіи плотскомъ, тотъ уже не съ безплотными Ангелами празднуетъ. Кто занимается земнымъ такъ, что забываетъ небесное, тотъ не близокъ уже къ Церкви небесной. Кто не старается охранить свое празднованіе отъ дѣлъ грѣховныхъ, тотъ не въ общеніи со Святыми празднуетъ. Кто не хранитъ и не питаетъ своего внутренняго свѣта, и небреженіемъ попускаетъ ему гаснуть, тому не много надежды увидѣть отверстыя царскія двери небеснаго чертога, хотя и видитъ на землѣ отверстыя царскія двери святилища.

Христе Спасе, славимый на небеси Ангелами и блаженными духами святыхъ человѣковъ! «И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!» Аминь.

Слово въ недѣлю о Ѳомѣ

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

6/19 апрѣля 1931 г.

Самый великій праздникъ у насъ — Пасха, Свѣтлое Христово Воскресеніе. Христово Воскресеніе мы празднуемъ черезъ каждые семь дней подобно тому, какъ заповѣдано было въ ветхомъ завѣтѣ праздновать субботу. Празднованіе субботы заповѣдано въ память сотворенія міра, а мы — по той же заповѣди — празднуемъ воскресный день, ибо воскресеніе Христово есть начало возсозданія рода человѣческаго для вѣчной жизни.

Каждый изъ семи дней Свѣтлой седьмицы празднуется какъ воскресный день, а нынѣшній день есть восьмой по отношенію къ семи пасхальнымъ днямъ, и, въ то же время, онъ есть первый послѣ Пасхи воскресный день, потому онъ называется новою недѣлею, ибо съ этого дня снова начинается недѣльное празднованіе воскреснаго дня.

Нынѣшнему дню соотвѣтствуетъ Евангельское повѣствованіе о вторичномъ явленіи воскресшаго Господа Іисуса Христа собраннымъ вмѣстѣ Апостоламъ. Ѳома, одинъ изъ двѣнадцати, не былъ съ прочими учениками Господними, когда явился имъ Господь вечеромъ въ первый день Своего воскресенія. «Мы видѣли Господа», сказали другіе ученики Ѳомѣ. Но онъ сказалъ имъ: если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю. Послѣ восьми дней опять были въ домѣ ученики Господни, и Ѳома съ ними. Пришелъ Іисусъ, когда двери были заперты, сталъ посреди ихъ и сказалъ: «миръ вамъ». Потомъ говоритъ Ѳомѣ: «подай перстъ твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи въ ребра Мои, и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ». Ѳома сказалъ Ему въ отвѣтъ: «Господь мой и Богъ мой». (Іоан. XX, 24-28).

Апостолъ Ѳома, слыша отъ другихъ о воскресеніи Господа Іисуса Христа, хотѣлъ вѣрить, что Господь воскресъ, но не могъ: ему нужно было увидѣть Господа и осязать Его, чтобы жить этой вѣрой, нужно было какъ бы родиться для этой вѣры. Новое рожденіе — рожденіе свыше — это самая первая изъ тайнъ Царства Божія, о которыхъ возвѣщаетъ намъ Евангеліе.

Господь сказалъ: «Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія. Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ» (Іоан. III, 3, 6). Говоря это, Господь Самъ пояснилъ, что рожденіе свыше, рожденіе отъ Святаго Духа, совершается въ таинствѣ крещенія. «Если кто не родится отъ воды и Духа», сказалъ Господь, «не можетъ войти въ Царствіе Божіе» (Іоан. III, 5), т. е. не принявшій крещенія не можетъ пріобщиться къ благодатной жизни церковной.

Апостолъ Ѳома, наряду съ другими учениками Господними, освященъ былъ личнымъ общеніемъ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и слушаніемъ ученія Его, но тогда какъ прочіе Апостолы, скоро освободившись отъ сомнѣній, уже жили вѣрою въ воскресеніе Христово, Ѳома какъ бы съ большими мученіями рождался для этой жизни.

Это образъ того, что у насъ бываетъ. Мы, принявшіе св. крещеніе въ младенчествѣ, всѣ рождены для благодатной жизни, но не всѣ одинаково скоро и легко начинаютъ жить этою жизнью. И много есть среди насъ такихъ, которые, нося въ душѣ своей

сѣмя благодатной жизни, стараются увѣрить себя и другихъ, что они чужды этой жизни. Иные изъ таковыхъ впадаютъ въ хулу на Бога и на Св. Церковь, другіе дерзко пренебрегаютъ заповѣдями закона Божія, предаются удовольствіямъ и разврату, а иные, соблюдая внѣшнее благоприличіе своего поведенія, проповѣдуютъ безразличіе въ отношеніи къ тому, что Христово и что веліарово. Словомъ — многіе изъ насъ, не зная своей облагодатствованной природы, сами себѣ создаютъ томленіе, свойственное чуждымъ благодати.

Восемь дней томился Ѳома сомнѣніями относительно воскресенія Христова и не могъ быть участникомъ той радости, какая наполняла сердца прочихъ учениковъ Господнихъ, увѣровавшихъ въ воскресеніе Господа Іисуса Христа и удостоившихся видѣть Его. Но не оставилъ Господь безъ попеченія сомнѣвающагося ученика Своего и явленіемъ Своимъ, наконецъ, разрѣшилъ его сомнѣнія. Тогда Ѳома не только увѣровалъ въ то, что Іисусъ Христосъ, но и исповѣдалъ свою вѣру въ Него, какъ Господа и Бога.

Такъ и нынѣ. Многіе изъ насъ, пораженные бѣдствіями, постигшими наше Отечество, теряютъ вѣру въ Царство Божіе и ищутъ опоры тамъ, гдѣ жизнь идетъ въ отчужденіи отъ Бога. Облагодатствованная природа русской души возмущается и томится среди безблагодатной жизни, но ради матеріальной нужды молчитъ и уступаетъ. Когда же настанетъ вечеръ восьмого дня, т. е. когда окончится назначенный намъ срокъ испытаній, и обратитъ къ намъ Господь милостивое Лице Свое, тогда весь русскій народъ отвергнется отъ безбожія и нечестія, и всѣ, отъ малаго до большого, въ одинъ голосъ воскликнутъ предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ «Господь мой и Богъ мой».

Говоря такъ, я хочу выразить увѣренность, что то безбожіе и то нечестіе, какое теперь всюду господствуетъ, у русскихъ людей, не есть знаменіе вѣчной погибели, а есть только временное омраченіе, и мы должны прилагать все усердіе, чтобы отъ этого омраченія освободиться какъ можно скорѣе.

Первыя слова Господа Спасителя въ день Его воскресенія.

"Что плачеши? (Іоан. XX, 15).
"Не бойтеся... Радуйтеся. (Матѳ. XXVIII, 3-10).
"Миръ вамъ! (Іоан. XX, 19).
Миръ вамъ! (Лук. XXIV, 36).

Какую трогательную радость, какое блаженство несутъ душѣ нашей эти слова Господа Спасителя, сказанныя Имъ въ самый день Его воскресенія! Сколько любви, милости, утѣшенія дышетъ въ этихъ кроткихъ вы-

раженіяхъ! "Что плачеши?" говоритъ Онъ — "Не бойтеся!.. Радуйтеся!.. Миръ вамъ!.. Миръ вамъ!.. Какъ изумляется умъ, какъ учащенно бьется сердце, когда отъ Побѣдителя ада и смерти, пріявшаго всяку власть на небеси и на земли, слышимъ ту же самую тихую и полную любви рѣчь, съ которой Онъ обращался къ людямъ, еще сый съ ними! Въ ней, въ этой властной и сладостной рѣчи, видимъ вѣрное ручательство своего упованія на всю жизнь и на всю вѣчность!.. "О божественнаго! О любезнаго! О сладчайшаго Твоего гласа!"..

О, если бы Онъ такъ же сталъ говорить къ намъ въ концѣ дней нашихъ, и за предѣлами ихъ, когда и мы воскреснемъ и станемъ предъ Нимъ, на страшномъ судѣ!.. О, Господи Спасителю! пріиди, въ предсмертный часъ, къ душѣ трепещущей и скажи ей Свое тихое и милостивое слово: "Что плачеши?"... Приступи ко всѣмъ, которые хотя когда-нибудь, хотя какую нибудь каплю мѵра сердечнаго несли ко гробу Твоему, и скажи имъ: "Не бойтеся! Радуйтеся!" Явися посреди собиравшихся нѣкогда во имя Твое, на славословіе Тебѣ, на радованіе о Тебѣ, на молитву къ Тебѣ, стань въ кругу ихъ и скажи имъ: "Миръ вамъ!" "О божественнаго! О любезнаго! О сладчайшаго Твоего гласа!"

А далѣе: какая глубокая благодарность и сладкое чувство проникаютъ душу, когда слышимъ слова Воскресшаго Господа: "Иди ко братіи моей... Извѣстите братіи Моей: восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему" (Іоан. XX, 17; Мтѳ. XXVIII, 10). Итакъ, возстаніе отъ мертвыхъ во славѣ Божества не измѣнило отношеній Господа Спасителя къ людямъ. Первыя слова Его по воскресеніи говорятъ о братіи, т. е., сначала объ Его ученикахъ, Имъ избранныхъ и Ему преданныхъ, потомъ о всѣхъ, которые черезъ нихъ увѣруютъ въ Него, слѣдовательно, и о насъ съ тобой, братъ-читатель! Вникнемъ душою и сердцемъ въ эту новую тайну Богочеловѣчества Христова: у насъ одинъ съ Нимъ Отецъ, одинъ съ Нимъ Богъ. По Своему человѣколюбію и милосердію, Сынъ Божій сошелъ на землю, называлъ насъ братіями, раздѣлялъ съ нами всю долю многоплачевной жизни человѣческой, пострадалъ и умеръ... Съ памятію о братіи Онъ воскресъ; благословляя братію, вознесся; утѣшая братію, послалъ Духа Святаго; храня братію устроилъ на землѣ Церковь Свою; освящая братію, зоветъ насъ къ Себѣ, въ вѣчныя обители, Имъ уготованныя намъ!.. О, читатель, намъ дано болѣе, нежели понять можемъ. Сдѣлаемъ по крайней мѣрѣ то, что понимаемъ: "просвѣтимся торжествомъ — и другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!"...

Наконецъ, какое благоговѣніе и теплѣйшее умиленіе наполняютъ душу и сердце, когда слышимъ слова Воскресшаго Господа: "Пріимите Духа Святаго: кому отпустите грѣхи, отпустятся

имъ, на комъ оставите, останутся!" (Іоан. XX, 22, 23). Люди издавна вѣрили и утверждали, что прощать грѣхи можетъ одинъ лишь Богъ. И вотъ, это право Божества Богъ даруетъ нынѣ Своимъ ученикамъ, а чрезъ нихъ и служителямъ Своимъ; власть величайшую, приличествующую Единому Богу — умирять нашу совѣсть и сердце — Господь даруетъ людямъ, пребываетъ въ нихъ Духомъ Своимъ, и дѣйствуетъ чрезъ нихъ во вся дни до скончанія вѣка...

Что сказать намъ объ этомъ величайшемъ дарѣ благодати Божіей?! Тутъ изнемогаетъ всякое слово; тутъ чувствуешь себя въ состояніи только пасть и поклониться Воскресшему, яко Богу... "О божественнаго! О любезнаго! О сладчайшаго Твоего гласа! Съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе!"...

Пріидите же, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему! (Псал. 94, 1). Поспѣшимъ поклониться всею полнотою благоговѣйной любви и благодарности предъ Воскресшимъ Спасителемъ нашимъ!...

Таковы плоды Воскресенія Христова, дарованные намъ Господомъ Іисусомъ. Да раздаются они изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ. Да исполняютъ вѣрующихъ сладостнѣйшею надеждою воскресенія и жизни вѣчной. Да изливаютъ благодатныя утѣшенія на все человѣчество, на всѣ вѣка. Аминь *).

***

Солнце сегодня играло,
Играло оно на восходѣ.
Трава на лугахъ трепетала,
Міръ былъ омытъ дождями,
Блестѣли повсюду росы,
Вѣтви деревъ, качаясь,
Роняли на землю слезы...

Въ это утро любви и свѣта
Праздникъ былъ на землѣ великій:
— Тьма куда то въ ничто летѣла,
Тѣни таяли, скользя бликами,
И сверкало, играя, солнце,
Плавя радуги ореолами.

"Воскресеніе Христово видѣвши..."
Бога славили хоры звѣздные.

Л. Даль.

---

*) Извлечено изъ Словъ и бесѣдъ о. архимандрита **Антонина Капустина,** бывшаго 30 лѣтъ въ Іерусалимѣ начальникомъ Русской Духовной Миссіи и тамъ скончавшагося 24 марта 1894 года (Аѳон. лист. № 390).

Жены Мvроносицы.

Что вы ищите живого между мертвыми?
(Луки 24, 5.).

Блескъ ангельскихъ крыльевъ, и голосъ небесный...
"Средь мертвыхъ что ищите Вѣчно-Живого?"
Приноситъ веселіе духъ безтѣлесный —
Сіяющій вѣстникъ изъ міра иного.
О, какъ имъ принять эту вѣсть золотую!
И страшно, и радостно... Всталъ ихъ Учитель,
Чтобъ міру явить Красоту Неземную,
Побѣдно попралъ смерть Господь-Искупитель.

***

И се, Іисусъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: "Радуйтесь!" И они, приступивъ, ухватились за ноги Его, и поклонились Ему.
(Мѳ. 28, 9).

Неся обратно ароматы,
Идутъ по торному пути, средь скалъ.
Смущеніемъ сердца объяты...
И вдругъ Господь имъ: "Радуйтесь" — сказалъ.

Вотъ Онъ стоитъ въ сіяньи на дорогѣ ...
Нѣтъ больше смерти, мукъ креста.
И жены пали ницъ, лобзаютъ ноги,
Стопы пронзенныя Христа.

***

Пасхальный вѣтеръ вѣетъ нѣжно...
Въ пасхальной радости сады цвѣтутъ,
Лепечут пташки безмятежно,
"Христосъ воскресъ" — онѣ поютъ.

Какъ утро свѣжее прекрасно,
Какъ ярко зеленѣетъ лѣсъ.
Природа знаетъ чутко, ясно,
Что Онъ, Спаситель нашъ, воскресъ.

М. В.

СВѢТЛАЯ НОЧЬ ВОСКРЕСЕНІЯ*).

22 АПРѢЛЯ 1861.

Пришелъ великій вечеръ. Огни погашены. Въ домѣ настала тишина. Всѣ улеглись на покой въ ожиданіи торжества. Шумъ на улицахъ умолкъ: и тамъ все чего-то ждетъ, къ чему-то готовится. Только въ моей комнатѣ свѣтится еще огонь, и изъ тишины, которая окружаетъ меня, слышатся голоса таинственной ночи, голоса далекаго и близкаго прошедшаго.

Какъ много говорятъ они мнѣ — нѣтъ, не просто говорятъ, а шепчутъ, лаская чувство, и будятъ одно за другимъ воспоминанія дѣтства и юности. Вся жизнь моя прошла въ этомъ тихомъ пріютѣ. Здѣсь висѣла колыбель моя, здѣсь потомъ, между кроватями братьевъ и сестеръ, стояла моя дѣтская кроватка. Здѣсь, у окна, сидѣла и приговаривала меня ко сну старая няня. Никогда уговоры ея не были такъ усердны и убѣдительны, какъ въ этотъ вечеръ, подъ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, и никогда дѣтское упрямство не было такъ настойчиво. Какъ можно заснуть вечеромъ, когда цѣлый день былъ одною веселою пѣснію о той радости, какая будетъ завтра, когда съ самаго утра начинался рядъ тѣхъ необыкновенныхъ явленій, которыя всегда совершаются въ домѣ передъ большимъ праздникомъ и всего болѣе привлекаютъ и занимаютъ дѣтское воображеніе. Вчера еще кончилось цѣлыхъ два дня продолжавшееся мытье, чищенье и убиранье: сегодня съ утра цѣлый домъ смотритъ заново, свѣжъ, выметенъ и украшенъ: новымъ духомъ вѣетъ отъ него, духомъ радостнаго ожиданья. А сегодня начались новыя работы; сегодня какъ только пришли отъ обѣдни, — всѣ занялись малыми дѣлами — готовятъ платья, красятъ яйца; дѣти перебираютъ свои игрушки и, подражая большимъ, чистятъ и моютъ маленькое свое хозяйство. Сколько новыхъ толковъ поднялось въ этомъ маленькомъ мірѣ, сколько суеты и заботъ о томъ, что для взрослаго давно потеряло всякую цѣну, а для ребенка составляетъ важное дѣло, великое событіе! Завтра "Христосъ воскресъ!" завтра праздникъ! и никогда не понять взрослому, сколько прелести для ребенка въ одномъ этомъ словѣ: праздникъ! Старшія дѣти знаютъ, что они пойдутъ къ заутрени вмѣстѣ съ большими, и вмѣстѣ съ большими улеглись они спозаранку въ ожиданіи ночи. Старшія дѣти хотятъ спать и не могутъ: маленькія дѣти могутъ и не хотятъ. И какъ имъ спать, когда отовсюду изъ кроватей слышится шопотъ, слышатся отрывистые переговоры и томъ, что завтра будетъ, что было сегодня. Какъ имъ спать, когда изъ каждаго угла, при свѣтѣ лампады, глядитъ таинственный образъ праздника!

Но усталость беретъ свое. Не удалось уговорить мать, чтобы взяла съ собой въ церковь, уговариваешь няню: няня! милая! Разбуди меня,

---

*) Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева).

когда пойдутъ вокругъ церкви! — И няня обѣщаетъ, она обѣщала бы все на свѣтѣ, лишь бы угомонился ребенокъ. Но изъ другихъ кроватокъ старшіе счастливцы отвѣчаютъ смѣхомъ на обѣщанья няни, — и опять поднимается неугомонный ребенокъ, и опять уговариваетъ няню и опять заставляетъ ее въ десятый разъ обѣщать, что сдѣлаетъ, не забудетъ. Старая няня, кажется, въ самомъ дѣлѣ не забудетъ: она такъ сердится на старшихъ шалуновъ, что смущаютъ ребенка и не даютъ заснуть ему. И дремлешь въ сладкой надеждѣ; но страхъ, что няня обманетъ, пересиливаетъ сонъ, и еще разъ полузаснувшій ребенокъ заставляетъ няню повторить свое обѣщанье.

Заснулъ! говоритъ няня — Слава Тебѣ Господи! Крѣпокъ дѣтскій сонъ: завтра совсѣмъ будетъ свѣтло, когда проснется дитя, убаюкивамое сладкимъ обѣщаньемъ, и готово заплакать, когда видитъ, что ночь прошла, и прошла свѣтлая заутреня. Но какъ плакать, — когда ужъ явился праздникъ и такъ весело взглянулъ въ лицо, и около постели стоитъ няня, стоятъ братья и сестры, и цѣлуютъ, и смѣются, и отовсюду слышится: Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Но и въ крѣпкомъ снѣ не засыпаетъ иногда свѣтлая надежда ребенка. Случалось, она будила меня въ ту минуту, когда по всей Москвѣ носится таинственный гулъ, и тысячи мѣдныхъ голосовъ сливаются въ первую пѣснь воскресшему Спасителю. Случалось — вскакивалъ ребенокъ, и няня, оставшаяся дома, подносила его къ окну и показывала ему сверкающіе огни на колокольняхъ и свѣтильники воскреснаго хода. На минуту затихло все въ комнатѣ, и ребенокъ полусонный, полупроснувшійся прислушивался вмѣстѣ съ старухою къ послѣднимъ звукамъ церковнаго перезвона, и притомъ засыпалъ онъ снова въ своей постелькѣ, а старая няня дребезжащимъ голосомъ пѣла: Христосъ Воскресе! — и Свѣтися, свѣтися. И вотъ то, что видѣлось и слышалось тогда сквозь сонъ, теперь, какъ сладкій сонъ, видится и слышится изъ туманнаго, изъ далекаго прошедшаго....

Первая заутреня! Боже мой, какъ билось сердце, когда наконецъ въ первый разъ мать рѣшилась взять съ собою дитя свое къ свѣтлой заутрени. Укладываютъ спать, спать не хочется — и только ждешь, когда, часъ за часомъ, наступитъ желанное время. Вотъ наступило оно. Послѣ тишины, въ которую погрузился цѣлый домъ, поднимается внизу и вверху и во всѣхъ углахъ его радостный шумъ приготовленія къ заутрени. Одѣтый по праздничному, ночью идешь по темной еще улицѣ — не звонили еще, въ церкви темно, но она уже полна народомъ, всякій спѣшитъ занять свое мѣсто, и стоятъ всѣ одѣтые по праздничному, съ новыми свѣчами, и носится по всему храму таинственный шопотъ ожиданія. — Зажигаютъ свѣчи въ большихъ паникадилахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло — какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣть на всѣхъ. И вотъ, вдругъ кто-то возлѣ перекрестился, заслышавъ ударъ соборнаго ко-

локола: въ самомъ дѣлѣ — ударили, другой — третій, и понеслись хоромъ чудные, таинственные, звуки, и вотъ наконецъ нашъ, *родной* колоколъ своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой! Какъ хорошо стоять возлѣ матери и братьевъ и сестеръ и слушать таинственные голоса и смотрѣть во всѣ глаза вокругъ себя, и ждать, ждать всѣмъ существомъ своимъ.

А дальше — дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній для взволнованнаго ребенка. Вынесли изъ алтаря старыя, гдѣ-то далеко стоявшія иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разъ не видывалъ въ движеніи — и запѣли: — "Воскресеніе Твое, Христе Спасе", и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи, у всѣхъ такія спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова. Чудно становится ребенку, — смотритъ онъ вокругъ себя — возлѣ старая няня стоитъ съ зажженнымъ огаркомъ и молится и плачетъ, — братья и сестры и мать смотрятъ прямо въ глаза и не улыбаются, — и тихо все такъ, какъ будто никого нѣтъ въ церкви, и надъ этой тишиной только носится тотъ же торжественный гулъ колоколовъ. Боже — что будетъ — хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора, — и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое "Христосъ Воскресъ!" и въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ свимъ сердцемъ. И ребенокъ, въ первый разъ заслышавъ васъ, чувствуетъ трепетъ праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью. Когда бы ни заслышало васъ мое ухо, когда бы ни представило воображенье свѣтлую ночь Пасхи и церковь празднующую, — въ душѣ моей расцвѣтаетъ и благоухаетъ праздничное чувство. И дѣтство, милое, давно прошедшее дѣтство смотрится въ нее и въ ней отражается, и снова слышатся въ ней тѣ же надежды и обѣщанія, которыми жила и радовалась душа въ ту благословенную пору. Въ этихъ надеждахъ и обѣщаніяхъ — свѣтъ и надежда цѣлой жизни, отголосокъ вѣчнаго праздника, отблескъ невечерняго дня въ царствіи Христовомъ. Отойдите прочь, горькія заботы! Пусть — чего ждало сердце — то не пришло, — пусть то, о чемъ вспомнить и подумать страшно, остается въ жизни, пусть стоитъ тутъ со мной,возлѣ меня! Пусть то, чему повѣрило сердце и во что положило себя — то ему измѣнило; — пусть то, что было дороже жизни, оставило жизнь! Пусть то, что казалось правдой и красотой и свѣтомъ, — явилось ложью и тьмой и безобразіемъ! Жизнь — вся, какъ есть, и со всѣмъ,

что есть въ тебѣ, — оставайся, — я не боюсь тебя, потому что съ этимъ ударомъ колокола проклятіе спало съ тебя; въ это мгновеніе — Божіе благословеніе озарило тебя вновь, отъ края до края, съ первой до послѣдней минуты, и ты сіяешь, и ты красуешься, и блещешь, и трепещешь отъ любви Божіей, милая, свѣтлая, благословенная жизнь! Вся покрыта росою Божіей, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая, безъ конца и безъ мѣры, безъ смерти, безъ горя, безъ потери. Свѣтъ воскресенія Христова открылъ твою истину, и будущее твое слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго! О, когда бы остановить эту минуту! О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать бы жить и не кончить жить — съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: "Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!"

---

12 апрѣля 1859.

Потерпи Господа въ день Воскресенія Его, потерпи Господа, человѣче! Долго и напрасно звалъ Онъ и стучалъ въ двери сердца твоего и въ немъ искалъ Себѣ храмины, гдѣ главу подклонить — но ты не пускалъ Его. Домъ твой былъ нечистъ и неубранъ, храмина твоя была полна гостей, и отъ утра до утра пѣлись въ ней пѣсни и велись пиры: и всѣ гости твои были Ему недруги. Какъ было Ему войти въ домъ твой? но Онъ возлюбилъ тебя и восхотѣлъ и тебѣ и дать и у тебя Себѣ найти упокоеніе: отъ того не отходилъ Онъ отъ дверей твоихъ и все звалъ тебя и посылалъ къ тебѣ друзей Своихъ сказать тебѣ: се, зоветъ Господь. Но ты слушалъ лѣниво; ты велъ шумную бесѣду съ гостями своими, и выгнать ихъ тебѣ было жаль и стыдно. Рѣдко, протрезившись на минуту, отворялъ ты дверь посмотрѣть, ждетъ ли Господь, — но вновь, на зовъ гостей внутреннихъ комнатъ, затворялись твои двери, и ты запирался опять съ своими друзьями, забывая о гласѣ Господа, стоящаго у дверей. Онъ молилъ тебя хоть одну внутреннюю комнату оставить Ему, и въ ней воздворить Его въ мирѣ; и ты соглашался, и ты охотно отводилъ Ему комнату въ домѣ своемъ; и сначала съ жаромъ и горячностью Его принялъ: но твои гости и друзья были тебѣ дороже Господа. Имъ отдавалъ ты весь день и всю ночь свою, а къ нему входилъ на одну минуту, чтобы тотчасъ же снова Его оставить. Вотъ нынѣ, явившись во славѣ, въ день Воскресенія, Онъ осіялъ Своимъ свѣтомъ грязный и нечистый домъ твой, и преобразился видъ его, и бѣжали изъ него нечистые собесѣдники. Господь грядетъ къ тебѣ, въ свѣтѣ и торжествѣ; Онъ тебя не забылъ, однажды возлюбивъ тебя, и въ день Воскресенія Своего хочетъ побыть у тебя въ мирѣ и зоветъ тебѣ: потерпи Меня въ день Воскресенія Моего! Потерпи — хотя нынѣ, и возрадуйся со Мною!

НЕУГАСИМОЕ ПЛАМЯ.

Въ Страстной Четвергъ 3-го Мая 1945 г., шли мы, я съ мужемъ и дочерью, въ церковь, къ 12-ти Евангеліямъ. Былъ теплый весенній вечеръ. Аллеи каштановъ на Авеню Люизъ, гдѣ мы жили, были уже въ полномъ цвѣту. Мы остановились на переходѣ одной изъ улицъ, чтобы пропустить автомобиль. Къ намъ подошелъ среднихъ лѣтъ человѣкъ и тихо спросилъ мужа:

— Вы будете русскіе. Идя сзади васъ я уловилъ нѣсколько словъ на русскомъ языкѣ... или, можетъ быть, мнѣ только показалось.

— Да, мы русскіе, отвѣтилъ мужъ.

— Прошу прощенія за безпокойство. Не можете ли вы указать мнѣ гдѣ православная церковь... Мнѣ говорили, что на какой-то близкой отсюда улицѣ... но я кружусь уже съ полчаса по аллеямъ, но не замѣтилъ ни купола съ крестомъ, ни колокольни.

— Русская православная церковь находится на рю де Ливурнъ. Она домовая, почему, конечно, не имѣетъ куполовъ... Мы идемъ въ эту церковь къ 12-ти Евангеліямъ... Хотите идти вмѣстѣ?

— Спасибо, спасибо, съ большой радостью, отвѣтилъ онъ.

Мы молча дошли до церкви. Купивъ свѣчи, мы встали недалеко отъ свѣчного ящика. Служба уже началась. Храмъ былъ переполненъ. Протопресвитеръ отецъ Александръ Шабашевъ, нынѣ покойный, прекрасно и внятно, не торопясь, глубокимъ груднымъ голосомъ сталъ читать Евангелія...

Выходя изъ церкви и осторожно неся зажженныя свѣчи, мы замѣтили человѣка, который шелъ съ нами. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ дома, бережно заслоняя рукой пламя четверговой свѣчи отъ движенія воздуха. Когда мы проходили мимо, я взглянула не него. Колеблющійся огонекъ свѣчи бросалъ неровный свѣтъ на его блѣдное, худое, усталое, точно не живое лицо. Въ большихъ свѣтло-голубыхъ широко открытыхъ глазахъ, мнѣ почудилось нѣмое страданіе. Онъ былъ плохо одѣтъ. Сѣрое потертое драповое пальто было съ чужого плеча, а шляпа была совсѣмъ изношена.

Увидя насъ, онъ снова подошелъ и попросилъ мужа, гдѣ и какой трамвай онъ долженъ взять, чтобы добраться до Андерлехта.

— Идемте съ нами, — я вамъ объясню.

По дорогѣ мы разговорились. Мы узнали, что онъ бывшій сельскій учитель изъ Черниговской губерніи. Былъ захваченъ нѣмцами и привезенъ на работу въ Бельгію.

— Какъ хорошо, что, несмотря на такое долгое пребываніе въ Совѣтскомъ раю, вы не потеряли вѣры въ Бога, остались христіаниномъ, ходите въ церковь, сказала ему моя дочь.

При этихъ словахъ тѣнь промелькнула по его лицу.

— О, исторія моей вѣры въ Бога — очень сложна и длинна. Если это не утомитъ васъ, я разскажу ее вамъ когда нибудь. Это облегчитъ и мою душу...

что есть въ тебѣ, — оставайся, — я не боюсь тебя, потому что съ этимъ ударомъ колокола проклятіе спало съ тебя; въ это мгновеніе — Божіе благословеніе озарило тебя вновь, отъ края до края, съ первой до послѣдней минуты, и ты сіяешь, и ты красуешься, и блещешь, и трепещешь отъ любви Божіей, милая, свѣтлая, благословенная жизнь! Вся покрыта росою Божіей, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая, безъ конца и безъ мѣры, безъ смерти, безъ горя, безъ потери. Свѣтъ воскресенія Христова открылъ твою истину, и будущее твое слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго! О, когда бы остановить эту минуту! О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать бы жить и не кончить жить — съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: "Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!"

---

12 апрѣля 1859.

Потерпи Господа въ день Воскресенія Его, потерпи Господа, человѣче! Долго и напрасно звалъ Онъ и стучалъ въ двери сердца твоего и въ немъ искалъ Себѣ храмины, гдѣ главу подклонить — но ты не пускалъ Его. Домъ твой былъ нечистъ и неубранъ, храмина твоя была полна гостей, и отъ утра до утра пѣлись въ ней пѣсни и велись пиры: и всѣ гости твои были Ему недруги. Какъ было Ему войти въ домъ твой? но Онъ возлюбилъ тебя и восхотѣлъ и тебѣ и дать и у тебя Себѣ найти упокоеніе: отъ того не отходилъ Онъ отъ дверей твоихъ и все звалъ тебя и посылалъ къ тебѣ друзей Своихъ сказать тебѣ: се, зоветъ Господь. Но ты слушалъ лѣниво; ты велъ шумную бесѣду съ гостями своими, и выгнать ихъ тебѣ было жаль и стыдно. Рѣдко, протрезившись на минуту, отворялъ ты дверь посмотрѣть, ждетъ ли Господь, — но вновь, на зовъ гостей внутреннихъ комнатъ, затворялись твои двери, и ты запирался опять съ своими друзьями, забывая о гласѣ Господа, стоящаго у дверей. Онъ молилъ тебя хоть одну внутреннюю комнату оставить Ему, и въ ней воздворить Его въ мирѣ; и ты соглашался, и ты охотно отводилъ Ему комнату въ домѣ своемъ; и сначала съ жаромъ и горячностью Его принялъ: но твои гости и друзья были тебѣ дороже Господа. Имъ отдавалъ ты весь день и всю ночь свою, а къ нему входилъ на одну минуту, чтобы тотчасъ же снова Его оставить. Вотъ нынѣ, явившись во славѣ, въ день Воскресенія, Онъ осіялъ Своимъ свѣтомъ грязный и нечистый домъ твой, и преобразился видъ его, и бѣжали изъ него нечистые собесѣдники. Господь грядетъ къ тебѣ, въ свѣтѣ и торжествѣ; Онъ тебя не забылъ, однажды возлюбивъ тебя, и въ день Воскресенія Своего хочетъ побыть у тебя въ мирѣ и зоветъ тебѣ: потерпи Меня въ день Воскресенія Моего! Потерпи — хотя нынѣ, и возрадуйся со Мною!

НЕУГАСИМОЕ ПЛАМЯ.

Въ Страстной Четвергъ 3-го Мая 1945 г., шли мы, я съ мужемъ и дочерью, въ церковь, къ 12-ти Евангеліямъ. Былъ теплый весенній вечеръ. Аллеи каштановъ на Авеню Люизъ, гдѣ мы жили, были уже въ полномъ цвѣту. Мы остановились на переходѣ одной изъ улицъ, чтобы пропустить автомобиль. Къ намъ подошелъ среднихъ лѣтъ человѣкъ и тихо спросилъ мужа:

— Вы будете русскіе. Идя сзади васъ я уловилъ нѣсколько словъ на русскомъ языкѣ... или, можетъ быть, мнѣ только показалось.

— Да, мы русскіе, отвѣтилъ мужъ.

— Прошу прощенія за безпокойство. Не можете ли вы указать мнѣ гдѣ православная церковь... Мнѣ говорили, что на какой-то близкой отсюда улицѣ... но я кружусь уже съ полчаса по аллеямъ, но не замѣтилъ ни купола съ крестомъ, ни колокольни.

— Русская православная церковь находится на рю де Ливурнъ. Она домовая, почему, конечно, не имѣетъ куполовъ... Мы идемъ въ эту церковь къ 12-ти Евангеліямъ... Хотите идти вмѣстѣ?

— Спасибо, спасибо, съ большой радостью, отвѣтилъ онъ.

Мы молча дошли до церкви. Купивъ свѣчи, мы встали недалеко отъ свѣчного ящика. Служба уже началась. Храмъ былъ переполненъ. Протопресвитеръ отецъ Александръ Шабашевъ, нынѣ покойный, прекрасно и внятно, не торопясь, глубокимъ груднымъ голосомъ сталъ читать Евангелія...

Выходя изъ церкви и осторожно неся зажженныя свѣчи, мы замѣтили человѣка, который шелъ съ нами. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ дома, бережно заслоняя рукой пламя четверговой свѣчи отъ движенія воздуха. Когда мы проходили мимо, я взглянула не него. Колеблющійся огонекъ свѣчи бросалъ неровный свѣтъ на его блѣдное, худое, усталое, точно не живое лицо. Въ большихъ свѣтло-голубыхъ широко открытыхъ глазахъ, мнѣ почудилось нѣмое страданіе. Онъ былъ плохо одѣтъ. Сѣрое потертое драповое пальто было съ чужого плеча, а шляпа была совсѣмъ изношена.

Увидя насъ, онъ снова подошелъ и попросилъ мужа, гдѣ и какой трамвай онъ долженъ взять, чтобы добраться до Андерлехта.

— Идемте съ нами, — я вамъ объясню.

По дорогѣ мы разговорились. Мы узнали, что онъ бывшій сельскій учитель изъ Черниговской губерніи. Былъ захваченъ нѣмцами и привезенъ на работу въ Бельгію.

— Какъ хорошо, что, несмотря на такое долгое пребываніе въ Совѣтскомъ раю, вы не потеряли вѣры въ Бога, остались христіаниномъ, ходите въ церковь, сказала ему моя дочь.

При этихъ словахъ тѣнь промелькнула по его лицу.

— О, исторія моей вѣры въ Бога — очень сложна и длинна. Если это не утомитъ васъ, я разскажу ее вамъ когда нибудь. Это облегчитъ и мою душу...

Въ это время мы какъ разъ подошли къ нашему дому. Мой мужъ пригласилъ его зайти и раздѣлить съ нами ужинъ. Войдя въ домъ, мы поднялись съ дочерью во 2-ой этажъ, чтобы зажечь огнемъ четверговыхъ свѣчей лампады передъ образами въ спальняхъ. Спустившись, я позвала нашего гостя, продолжавшаго держать въ рукѣ зажженную свѣчу, въ столовую. Указавъ на лампаду, висѣвшую предъ образомъ Николая Чудотворца, я предложила ему ее затеплить. Онъ сдѣлалъ это, набожно перекрестившись три раза.

Послѣ скромнаго ужина мы перешли въ салонъ. Григорій, опустившись въ мягкое кресло и устремивъ свой взглядъ куда-то вверхъ, вѣроятно, чтобы лучше возстановить въ памяти прошлое, началъ свой разсказъ.

— Я родился въ глубоко вѣрующей христіанской семьѣ. Мой отецъ, рано умершій, былъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ. Я воспитывался въ семьѣ дѣда по матери въ селѣ С., Черниговской губерніи. Какъ сейчасъ помню обширную хату дѣда — зимой занесенную снѣгомъ, а весной окруженную цвѣтущими вишневыми деревьями. Дѣдъ былъ богатый хлѣборобъ. Передъ моимъ взоромъ встаютъ необозримыя поля золотистой пшеницы, заливные тучные луга, стада коровъ и овецъ. Любилъ вмѣстѣ съ дѣдомъ и работникомъ рано утромъ на восходѣ солнца выгонять на пастбище коровъ и овецъ.

— Въ нашемъ селѣ была бѣлая большая церковь съ высокой колокольней и синими куполами. Мужики были зажиточные, жертвовали много и не скупились на ея украшенія: въ ней были иконы съ ризами изъ серебра въ камняхъ. У батюшки Николая былъ хорошій домъ. Мой дѣдъ былъ старостой и стоялъ за свѣчнымъ ящикомъ. Я прислуживалъ въ алтарѣ батюшкѣ Николаю. Я такъ любилъ это дѣлать, что думалъ: когда подросту, буду просить батюшку Николая сдѣлать меня священникомъ, какъ онъ.

Была въ селѣ и школа. Старый учитель былъ большимъ пріятелемъ дѣда. Все было хорошо. Но вотъ грянула война съ нѣмцами въ 1914 году. Много молодыхъ парней, призванные въ солдаты, ушли. Многіе не вернулись, погибли въ бояхъ, а тѣ, кто вернулись — стали совсѣмъ другими. Они перестали ходить въ церковь, буянили, дрались, и между собой, и съ сосѣдями. Коммунизмъ сталъ вить гнѣзда въ ихъ умахъ. Село наше, раньше такое спокойное и тихое, превратилось въ лагерь пропагандистовъ. Они выгнали старика-учителя изъ школы и его квартиры, а на его мѣсто поставили коммуниста-безбожника, который сталъ запрещать ходить ребятамъ въ церковь, говорилъ, что Бога нѣтъ и что все это только выдумки священниковъ.

Дѣдъ запретилъ мнѣ ходить въ школу. Распропагандированные мальчишки смѣялись надо мной, дразнили и показывали языки, когда я ходилъ вмѣстѣ съ дѣдомъ и матерью въ церковь.

Но въ селѣ были и такіе, и это не только старики и старухи, а и молодые парни и дѣвушки, что крѣпко стояли за вѣру и не поддавались пропагандѣ. Несмотря на насмѣшки, они остались вѣрными христіанами.

И вотъ что случилось однажды. Въ Великій Страстной Четвергъ вѣрующіе выходили изъ церкви съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Коммунисты, мальчишки и парни, крича и ругаясь, набросились на нихъ и, понося всѣхъ святыхъ, стали тушить свѣчи и, вырывая ихъ изъ рукъ, бросать ихъ на землю и топтать ногами. Испуганные такимъ безчинствомъ и глумленіемъ надъ святымъ обычаемъ, многіе изъ вѣрующихъ, въ большинствѣ женщины съ дѣтьми и старики, бросились обратно въ храмъ подъ его защиту. Возмущенный дѣдъ выбѣжалъ на паперть храма, забывъ даже закрытъ свѣчной ящикъ. Онъ сталъ уговаривать нечестивцевъ не чинить препятствія вѣрующимъ исполнять вѣками освященный православный обычай. Къ нему присоединился священникъ съ крестомъ въ рукахъ.

Отвѣтомъ была ругань, смѣхъ, богохульныя рѣчи, крики безбожниовкъ, что церковь надо закрыть. Только внезапно пошедшій ливень заставилъ безбожниковъ разсѣяться и спасъ вѣрующихъ отъ дальнѣйшихъ глумленій.

На слѣдующій день церковь была закрыта. Иконы, хоругви и кресты были выброшены, а цѣнная церковная утварь и дорогія ризы расхищены. Батюшка Николай и мой дѣдъ были арестованы, какъ бунтовщики противъ совѣтской власти, и увезены неизвѣстно куда. Дѣда моего съ побоями вытащили изъ родной избы. Мать моя бросилась, было, его защищать, умоляя не бить старика, но въ отвѣтъ получила такой ударъ, что свалилась съ крыльца и ударилась головой о камень . . . Я плакалъ и кричалъ отъ страха. Меня пинками выгнали со двора . . . Тетка Дарья пріютила меня на ночь. На утро, давъ кружку молока, она сказала отнести ее моей матери. Когда я пришелъ къ хатѣ дѣда, то увидѣлъ, что дверь забита досками. Не зная, куда дѣвались дѣдъ и мать, я сталъ искать ихъ, обходя дворъ и строенія. Я нашелъ мать лежащей неподвижно, съ закрытыми глазами, на полу пустого хлѣва, изъ котораго былъ угнанъ весь скотъ . . . Я сталъ звать ее: "Мама, мама, проснись, проснись, тетка Дарья молока прислала для тебя . . ." Мать не шевелилась. Рука, за которую я трясъ ее, была холодной . . . Я побѣжалъ за теткой Дарьей. Та, съ опаской, оглядываясь по сторонамъ, пришла въ хлѣвъ. Посмотрѣвъ на мать, она сказала: — "Не тронь ее, мамка душу Богу отдала. Ты, Гришка, теперь круглый сирота будешь — ни кола и ни двора!"

Объятый ужасомъ, я убѣжалъ изъ родного села. Я скитался отъ деревни до деревни, отъ поселка до поселка, голодный, оборванный — сталъ однимъ изъ безпризорныхъ, которые тысячами наводняли тогда нашу родину. Питался тѣмъ, что находилъ въ сорныхъ кучахъ или что давали, Христа ради, сердобольные люди. Разъ, въ одинъ особенно холодный вечеръ, я забрелъ въ пустой амбаръ и крѣпко заснулъ на ворохѣ слежавшейся грязной соломы . . . Проснулся отъ того, что кто-то сильно трясъ меня за шиворотъ . . . Я закричалъ отъ страха и боли и открылъ глаза Въ полумракѣ я увидѣлъ, что былъ въ рукахъ милиціонера. Онъ потащилъ меня въ комиссаріатъ. Такъ я попалъ въ пріютъ безпризорныхъ, гдѣ

дѣтей коммунисты дѣлали безбожниками, отчаянными коммунистами и комсомольцами, — негодяями.

Когда я подросъ, меня послали "для испытанія" въ школу села, гдѣ я раньше жилъ съ дѣдомъ и матерью, — учить "совѣтской грамотѣ" крестьянскихъ ребятъ. Но не только для этого: я долженъ былъ слѣдить за тѣми, кто остались вѣрующими христіанами, разыскивать тайные скиты и катакомбныя церкви и скрывающихся тамъ священниковъ. Меня предупредили, что если я не буду это исполнять, то меня сошлютъ въ Сибирь и сгноятъ въ концлагерѣ. Я готовъ былъ идти на какую угодно каторжную работу, но не на предательство. Семь лѣтъ коммунисты убивали, вырывали, уничтожали во мнѣ все, чему учили меня дѣдъ, мать и священникъ Николай, все святое, честное и порядочное. Но ихъ усилія были напрасны. Моя душа скрылась подъ непроницаемымъ для нихъ покровомъ. Дѣлая видъ, что я принимаю все, что мнѣ втирали въ душу и мозги, я оставался человѣкомъ, а не звѣремъ-коммунистомъ. А если бы узнали они мною двуличность, я предпочелъ бы быть сосланнымъ въ концлагерь или даже быть повѣшеннымъ гдѣ нибудь на деревѣ, но не сталъ бы предателемъ. Такимъ образомъ, когда я отправлялся въ свою деревню по ихъ назначенію, то я понималъ это какъ предстоящій мнѣ подвигъ, какъ служеніе вѣрующимъ. Горе было, что крестьяне, которые хранили вѣру въ Бога, сторонились меня, какъ коммуниста. Тѣ же, которые стали коммунистами, тщательно слѣдили чуть не за каждымъ моимъ движеніемъ, каждымъ шагомъ. Игра была очень сложной. Всетаки, мнѣ удавалось почти всегда такъ или иначе предупредить вѣрующихъ объ опасности, который имъ угрожала.

Однажды, это было въ апрѣлѣ 1940 года, районный коммисаръ велѣлъ мнѣ разыскать тайный скитъ, гдѣ служилъ одинъ священникъ, который собралъ вокругъ себя вѣрующихъ и привлекъ даже многихъ отошедшихъ отъ Церкви.

Гдѣ находится этотъ скитъ, и какая тропа вела къ нему, безбожники развѣдать не могли. Поручили это сдѣлать мнѣ.

По лѣвую сторону села были раскинуты луга, поля и пастбища, по правую поднимались лѣса съ крутыми оврагами и непроходимыми топями болотъ. Какъ предупредить священника о грядущей ему опасности, какъ спасти скитъ?

Я рѣшилъ идти въ лѣсъ рано утромъ, когда всѣ были на полевыхъ работахъ, взявъ съ собой фляжку съ водой и кусокъ хлѣба. Тщательно осмотрѣвшись, нѣтъ-ли вблизи школы, гдѣ я жилъ, кого-нибудь, слѣдившаго за мной, я вышелъ, накинувъ на плечи зипунъ и зашагалъ по дорогѣ въ лѣсъ. Дорога была пустынна, ни одной души. Я углублялся въ чащу лѣса, по маленькой еле замѣтной тропѣ. Шелъ я больше двухъ часовъ. Никого не встрѣчалъ кромѣ бѣлокъ, перескакивающихъ съ сучка на другой. Тишина нарушалась лишь хрустомъ валежника подъ моими ногами. Яркіе лучи весенняго солнца,пробиваясь сквозь раскидистыя вѣтви сосенъ и елей, бросали узкія золотыя полосы на мохъ чащи по которой

я шелъ. Чаща становилась все гуще, все непроходимѣе. Но труднѣе всего было перейти болото. Перепрыгивая съ кочки на кочку, я ступалъ иногда ногой въ жидкую, затягивающую топь...

Уже стало вечерѣть. Тяжелыя фіолетовыя тѣни залегли между стволами деревьевъ. День кончался. Отъ влажной земли стали подниматься клубы тумана. А я шелъ и шелъ, все дальше и дальше. Шелъ съ надеждой, съ вѣрой, что милосердіе Господа велико, и Онъ поможетъ мнѣ выполнить долгъ.

Было почти темно когда, идя по склону оврага, я замѣтилъ желтый, мерцающій огонекъ, другой, третій... Скитъ!.. Скитъ, Господь Милосердый помогъ мнѣ его найти!

Неземная радость наполнила мое существо. Я буквально соскользнулъ съ оврага къ этимъ огонькамъ...

Я стоялъ у ствола высокой сосны. Никто изъ вѣрующихъ, стоявшихъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, не замѣтилъ моего появленія. Благоговѣйно слушали всѣ Святое Евангеліе, которое читалъ, на покрытомъ епатрахилью пнѣ срубленнаго дерева, худощавый, съ одухотвореннымъ лицомъ, подвижникъ-священникъ.

— Слава долготерпѣнію Твоему, Господи, слава Тебѣ, зазвучали тихо голоса по окончаніи чтенія Святаго Евангелія.

Я продвинулся немного впередъ и оказался рядомъ съ высокой дѣвушкой съ завязаннымъ назадъ по украински платкомъ на головѣ.

— У тебя, парень нѣтъ свѣчи. У меня есть одна въ запасѣ, сказала она, вынимая изъ кошелки самодѣльную восковую свѣчу. Она зажгла свѣчу отъ своей свѣчи и подала мнѣ.

Было за полночь, когда чтеніе 12-ти Евангелій кончилось. Священникъ, имя которому было Петръ, произнесъ проникновеннымъ, доходящимъ до глубины души голосомъ, слово, часть котораго врѣзалась въ мою память: — "Въ древнія времена, когда Іерусалимъ былъ подъ властью христіанскихъ государей, христіане Св. Града проводили ночь на Великую Пятницу въ общей молитвѣ. Собравшись въ Сіонскую церковь, христіане отправились изъ нея крестнымъ ходомъ во главѣ съ патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ въ церковь на горѣ Елеонской, построенную царицей Еленой на мѣстѣ, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ апостолами передъ своими страданіями. Эта бесѣда записана въ Евангеліи отъ Іоанна, каковое евангеліе, первое страстное, и прочитывалось. По прочтеніи его крестный ходъ отправлялся на мѣсто Геѳсиманской молитвы Спасителя и преданія Его Іудой и здѣсь прочитывалось евангеліе объ этомъ, второе страстное. Затѣмъ крестный ходъ отправлялся на иныя мѣста священныхъ воспоминаній о страданіяхъ и смерти Спасителя и тамъ прочитывалось соотвѣтствующее воспоминанію св. евангеліе. Такъ прочитывалось II-ть евангелій, послѣ чего крестный ходъ возвращался въ Сіонскую церковь, гдѣ въ заключеніе прочитывалось 12-ое евангеліе о запечатаніи Гроба Господня и поставленіи стражи у него. Между евангеліями, во время

крестнаго хода, христіане пѣли св. пѣснопѣнія, кои поемъ и мы. Въ рукахъ у христіанъ были свѣтильники. По примѣру ихъ, и мы стоимъ во время чтенія страстныхъ евангелій со свѣчами.

— Да будутъ наши молитвы къ Господу Спасителю пламенны, да горятъ наши сердца къ нему чувствомъ благодарности и ревностью жить по Его завѣтамъ.

По окончаніи службы я подошелъ къ отцу Петру, сказалъ ему, кто я, и сообщилъ о грозящей ему и вѣрующимъ опасности. Отецъ Петръ благословилъ меня и произнесъ:

— Я отвѣчу тебѣ, сынъ мой, словами Самого Господа къ народу и ученикамъ:

— "Кто хочетъ идти за Мною, отвергись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною", и скажу тебѣ еще:

— "Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ."

— Вотъ и ты, сынъ мой, если хочешь послужить Христу Спасителю оставайся здѣсь въ скиту съ нами и послужи слабымъ и угнетаемымъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Безбожники скита не нашли. Когда вспыхнула война и пришли нѣмцы, они захватили весь скитъ и угнали насъ на работы въ окупированныя ими страны. Въ пути я часто помогалъ Марусѣ, такъ звали дѣвушку, во всѣхъ ея затрудненіяхъ. Мы полюбили другъ друга, и она обѣщала стать моей женой. Но нѣмцы погнали насъ на работу не только въ разныя мѣста, но и въ разныя страны. Меня въ Бельгію, а ее въ Германію. И вотъ я жду отъ нея извѣстій, когда кончится война. Я вѣрю, глубоко вѣрю, что Милосердный Богъ поможетъ мнѣ узнать, что съ ней и гдѣ она.

Окончивъ свое повѣствованіе, Григорій всталъ и, поблагодаривъ за гостепріимство, сказалъ: — "Спасибо за ласку и за радость, что выслушали исторію моей жизни. Такъ тяжело быть одному, да еще въ чужой странѣ. Надѣюсь встрѣтиться съ вами завтра на выносѣ Плащаницы. До свиданія."

Разсказъ Григорія произнесъ на насъ большое впѣчатлѣніе. Отрадно было знать, что несмотря на весь гнетъ коммунистовъ-безбожниковъ въ душахъ Русскаго народа пламя вѣры остается неугасимымъ.

Теперь Григорій не одинъ. Рука Божественнаго Провидѣнія помогла Григорію отыскать, безъ знанія нѣмецкаго языка и въ томъ хаосѣ, который царилъ тогда въ побѣжденной Германіи, среди массы людей, схваченныхъ изъ разныхъ странъ, бывшихъ подъ ихъ оккупаціей, ту дѣвушку, которая въ столь памятный ему Страстной Четвергъ на всенощной въ скиту, дала ему восковую свѣчу для слушанія 12 Евангелій.

Теперь Григорій счастливъ, любимъ и имѣетъ съ бѣлокурыми кудрями шалунишку сына.

Лидія Кобеляцкая.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Въ этомъ году я первый разъ говѣла. Въ пятницу вечеромъ мы съ мамой пошли къ исповѣди. Полутемная тихая церковь казалась совсѣмъ пустой. Въ глубинѣ церкви у притвора сидѣлъ батюшка Смирнскій, котораго мы всѣ такъ хорошо знали, но который кажется сегодня новымъ и таинственнымъ. Немного страшно идти къ нему одной черезъ всю церковь. Я иду медленно и все повторяю свои грѣхи, стараюсь отвѣчать на его вопросы точно.

— Постилась ли ты? Не ѣла ли скоромнаго? —

— Постилась, батюшка, — и запнулась, — если только мама не клала въ кашу скоромнаго масла. — Объ этомъ разсказала мнѣ мама со словъ батюшки много лѣтъ спустя, когда Валя шла въ первый разъ къ исповѣди.

Батюшка отпустилъ мнѣ грѣхи и я съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ пошла на слѣдующій день къ причастію. Въ тотъ годъ я была уже на всѣхъ службахъ, начиная съ Вербной субботы. Всѣ онѣ были очень торжественны въ нашемъ корпусѣ. Кадеты, служащіе, дѣти стояли съ зажженными свѣчами, а вербочки были украшены цвѣтами.

Съ понедѣльника Страстной недѣли церковныя службы чередовались съ приготовленіями пасхальнаго стола. Начиналось это интересной и веселой поѣздкой на базаръ. Настя приводила извощика, и мама, Шура и я, нагруженныя корзинами, съ длиннымъ спискомъ покупокъ ѣхали по Большой улицѣ черезъ весь городъ. Въ тѣ времена, да еще въ далекомъ

Оренбургѣ, и не слыхали о ледничкахъ въ комнатахъ. Ледники набивались зимой, были огромные, хорошіе, но спускаться нѣсколько этажей, чтобы достать что нибудь, было не легко. Поэтому старались все купить не за долго до праздника, сразу, и, не поднимаясь наверхъ, снести въ ледникъ. Поѣздка занимала нѣсколько часовъ, и мы съ Шурой были совершенно счастливы, т. к. покататься на извозчикѣ считалось у всѣхъ дѣтей огромнымъ удовольствіемъ. И сколько такихъ извощиковъ со счастливыми дѣтьми катило въ этотъ день изъ корпуса по Большой улицѣ!

Но у дѣтей были и обязанности, правда, очень пріятныя. Надо было накрасить для корпуса множество яицъ. Кадеты и дѣти корпусныхъ служащихъ съ увлеченіемъ этимъ занимались. А со среды начинали печь куличи. Огромная "макитра", т. е. глиняная миска, наполненая желтоватымъ душистымъ тѣстомъ, ставилась на табуретъ. Миндаль, ваниль, цукаты, изюмъ! какъ все это вкусно! и какъ чудно пахнетъ! Но пробовать ничего нельзя. Поэтому то въ поваренной книгѣ такъ точно указано, сколько и чего надо класть. Испеченные куличи въ желѣзныхъ формахъ съ застежками переносятъ въ столовую и раскладываютъ на столахъ на подушкахъ, покрытыхъ подстилками и скатертями. Если папочка въ этотъ моментъ находится дома, то онъ самъ отстегиваетъ крючки и огромный золотистый куличъ, дыша "пасхальнымъ" ароматомъ, плавно выкатывается на подушку. Это торжественный и радостный моментъ для всего дома. За нимъ второй, третій и т. д. Много ихъ бывало. Были они очень высокіе, кажется, въ три четверти аршина. Не помню теперь. Комната наполнялась ароматомъ, — "пасхальнымъ".

Въ четвергъ съ трепетомъ ждали часа, когда начинались Страсти Господни. Черныя облаченія, свѣчи у всѣхъ въ рукахъ, печальный звонъ послѣ каждаго Евангелія, нѣсколько послѣднихъ Евангелій, понятныхъ для нашего возраста, все это заставляло больно сжиматься сердце и живо переживать слышанное, какъ настоящее. Послѣ 12-го Евангелія расходились по домамъ съ зажженными свѣчами, чтобы страстной свѣчей сдѣлать черный крестъ надъ дверью, — оградить отъ несчастья свой домъ. За этимъ строго слѣдили мы съ Шурой и Настя.

Въ Святую пятницу выносъ Плащаницы и погребеніе. Крестный ходъ совершался всѣмъ корпусомъ и по всему зданію корпуса. Такого торжественнаго и грандіознаго нигдѣ, кажется, я не видѣла.

А дома всѣ дни не прекращается работа съ разсвѣта, и комнаты наполняются все новыми дивными ароматами. Но попробовать что нибудь желанія никогда не приходило. Задолго до Пасхи однимъ изъ нашихъ любимыхъ удовольствій было рисовать "пасхальный столъ". Очень искусно это дѣлала мамочка, а мы любовались, а потомъ провѣряли по картинкамъ; не забыто ли что-нибудь!

Послѣднее самое любимое и торжественное пасхальное блюдо бывала сырная пасха. Спеціальная для нея макитра наполнялась протертымъ черезъ сито творогомъ, подогрѣтымъ масломъ, и желтками, стертыми съ

сахарной пудрой, сливками и все это въ строгой пропорціи по вѣсу. На коврикъ усаживалась кухарка, покрывала ноги домотканной плахтой и скалкой въ одномъ направленіи начинала "утирать" пасху. Ее смѣняла Настя, Настю — Окся и такъ два съ половиной, три часа. А тѣмъ временемъ мама рѣзала ваниль, цукаты, терла цедру, а мы съ Шурой чистили изюмъ, миндаль, который надо было еще толочь съ кусками сахара въ ярко-начищенной мѣдной ступкѣ. Это было самое трудное и нелюбимое занятіе. Наконецъ, изъ подъ скалки всплываютъ и лопаются долгожданные и желанные пузыри: пасха готова и удачна. Въ послѣдніе полчаса вся душистая благодать приготовленная нами постепенно бросается въ макитру, подхватывается ловкой скалкой и исчезаетъ въ ея нѣдрахъ.

На столѣ уже разставлены деревянныя пасхальныя формы съ вырѣзанными внутри на двухъ стѣнкахъ крестомъ и священнымъ радостнымъ "Х. В.", а на двухъ другихъ гроздями винограда. Мамочка крестится, и всѣ за ней, и вкладываетъ въ каждую форму по бѣлоснѣжной салфеткѣ, которыя достаются изъ сундука только разъ въ годъ. Осторожно, большой ложкой, начинаетъ выкладывать въ форму душистую массу, тщательно закрываетъ ее салфеткой и сверху накладываетъ дощечку и "гнетъ", т. е. что то тяжелое. Первая, самая большая пасха всегда традиціонная "ванилевая", безъ всякихъ примѣсей, а потомъ идутъ разныя, — шоколадная, фисташковая, орѣховая (моя любимая), малиновая... Тутъ уже и мы всѣ принимаемъ участіе: Настя выкладываетъ, Окся заворачиваетъ, а мы съ Шурой "накладываемъ гнетъ". Пасхи относятся на ледникъ: всѣ приготовленія къ "пасхальному столу" окончены.

Часовъ въ семь насъ укладываютъ поспать. Но мы такъ взволнованы и такъ хочется посмотрѣть, какъ будутъ накрывать столъ, "пасхальный столъ" въ залѣ и на кухнѣ, что ежеминутно вскакиваемъ и прислушиваемся, пока, наконецъ, ни засыпаемъ не задолго до этого момента. Пробѣгая, мы мелькомъ видимъ разложенныя на креслахъ новыя бѣлыя платья и ленты, подарокъ мамочки къ нашему причастію.

Столъ уже разставленъ во всю свою длину и накрытъ лучшей вышитой скатертью. Три самыхъ высокихъ кулича съ бѣлыми головами, посыпанными драже и украшенными яркими бумажными цвѣтами и барашками (это очень старый русскій обычай) стоятъ, какъ три часовые, вдоль одного края стола. Вдоль другого вытянулись мясныя блюда: окорокъ, барашекъ, телячья ножка и поросенокъ съ яйцомъ въ зубахъ. А середину стола занимаютъ торты, мазурки, яйца, цвѣты, бутылки съ когоромъ, домашней вишневкой, малиновкой, графинчикъ водки для визитеровъ — папа ее не пьетъ. Въ центрѣ стола вызвышается красавица Сырная пасха съ радостнымъ Х. В. Какая красота! Какая радостная единственная ночь!..

Мы бѣжимъ на кухню, гдѣ по традиціи почти все то же, только проще и меньше, но большихъ кулича тоже три: для кухарки, Насти и общій для ихъ гостей. А насъ уже ждутъ и торопятъ одѣваться.

Въ церковь уже входятъ кадеты и всѣ корпусные. Всѣ дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ. Мы становимся на наше обычное мѣсто передъ рѣшет-

кой, откуда все хорошо видно. Церковь, такая темная и печальная послѣднія недѣли, вся сіяетъ радостно золотомъ и огнями. Служба начинается. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ крестнаго хода, на который столько лѣтъ смотрѣли изъ окна нашей столовой, — длинную ленту огоньковъ, которая двигалась мимо оконъ, переходили изъ одного этажа въ другой. Теперь мы сами шли среди радостной, нарядной толпы съ зажженными свѣчами и тихими тоненькими голосками подпѣвали огромному хору сотенъ голосовъ:

Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ:
и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити.

Сердца были чистые и у дѣтей, и у взрослыхъ. Жили скромно и дружно, безъ жадности и зависти, довольствуясь тѣмъ, что имѣли, чувствовали себя счастливыми и радостными. Съ тѣхъ поръ такъ все перемѣнилось, что не вѣрится, что было когда нибудь такое житье...

Послѣ заутрени шли домой разговляться къ "сказочному" столу, который былъ такой прекрасный тоже разъ въ году, какъ и самый праздникъ.

Самое заманчивое былъ куличъ съ ветчинкой и красное яичко, ну, и, конечно, сырная пасха! Куличи пекли еще на Вознесенье, а сырная пасха бывала только разъ въ годъ. Послѣ "дѣтскихъ разговѣнъ" мы съ Шурой, взволнованныя и радостныя, шли спать, подъ надзоромъ Окси, которая разговлялась съ нами, а всѣ взрослые возвращались въ церковь на литургію, и святить пасхи. Разговлялись, помнится мнѣ, въ корпусѣ.

Пока мы еще спали, мамочка съ Настей устраивали намъ съ Шурой "нашъ собственный пасхальный столъ", которому мы такъ радовались и даже гордились. Тоже три хорошенькихъ куличика, стопка ветчинки, колбаски домашней, сырная пасочка и, конечно, яички въ радостной зелени. Тутъ же два яйца съ сюрпризами. Сколько радости! Сколько счастья! Оно и теперь живетъ въ сердцѣ и придавленное несчастьями, испытаніями, печалью, и каждый годъ оживаетъ въ день Праздника Праздниковъ, Торжества изъ Торжествъ. Во всякомъ возрастѣ, подъ разными небесами, въ роскошномъ храмѣ или въ одной маленькой церковкѣ, одинаково милой сердцу, въ кругу многочисленной радостной семьи, въ одиночествѣ на склонѣ лѣтъ, — всегда и вездѣ торжественно и радостно звучитъ и наполняетъ сердце весельемъ:

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ, СМЕРТІЮ СМЕРТЬ ПОПРАВЪ И СУЩИМЪ ВО ГРОБѢХЪ ЖИВОТЪ ДАРОВАВЪ.

Ольга Петрова.

Житіе Св. Великаго Марка Аѳинскаго.

5 апрѣля.

О св. великомъ подвижникѣ Маркѣ Аѳинскомъ разсказалъ намъ, дѣти, св. Серапіонъ.

Пришелъ онъ однажды къ отцу Іоанну — великому старцу, благословился отъ него, сѣлъ отдохнуть отъ пути и задремалъ — увидѣлъ во снѣ двухъ отшельниковъ, которые сказали старцу Іоанну, указывая на св. Серапіона: «Такъ долго трудится въ пустынѣ отецъ Серапіонъ, а не знаетъ ничего о св. Маркѣ, которому уже сто тридцать лѣтъ и который живетъ въ горѣ Фраческой. Онъ уже девяносто пять лѣтъ не видѣлъ ни одного человѣка».

Когда онъ проснулся, то разсказалъ свой сонъ старцу Іоанну и по благословенію старца пошелъ въ сожженную солнцемъ пустыню отыскивать гору Фраческую. Онъ шелъ по пустынѣ очень долго, ни дождь, ни роса не сходили на раскаленную землю, не видно было ни одной былинки, ни одного цвѣточка не только звѣрей и птицъ, а и мухъ не было. Изнемогъ отъ пути св. Серапіонъ. Финики и вода, которые онъ взялъ на дорогу — вышли. Онъ упалъ на горячую землю и ждалъ смерти. Вдругъ передъ нимъ предстали два отшельника, которыхъ онъ раньше видѣлъ во снѣ у старца Іоанна. Одинъ изъ нихъ подалъ ему какой-то корешокъ и сказалъ: «Съѣшь этотъ корень и иди дальше съ Божіей помощью». Св. Серапіонъ подкрѣпился этой пищей и пошелъ дальше. Передъ нимъ встала большая, большая голая гора — Фраческая, гдѣ жилъ св. Маркъ. Семь дней всходилъ онъ на нее, а въ послѣднюю, седьмую, ночь увидѣлъ во снѣ Ангела Божія, который слетѣлъ съ небесъ къ св. Марку и сказалъ ему: «Я привелъ къ тебѣ отца Серапіона, будь счастливъ». Съ какою великою радостью встрѣтилъ св. Серапіона св. Маркъ.

Онъ обнялъ его, заплакалъ отъ радости и сказалъ: «Господь воздастъ тебѣ, что ты не полѣнился придти ко мнѣ. Девяносто пять лѣтъ живу я въ этой пещерѣ. Не только человѣка, ни звѣря, ни птицы не видалъ. Тридцать лѣтъ страдалъ отъ голода и жажды, хлѣба не было, въ одежды не одѣвался, землю ѣлъ отъ голода и пилъ горькую морскую воду».

За тридцать лѣтъ страданій выросли у него длинные волосы, покрыли его всего, какъ одеждою, и согрѣвали отъ холода. Онъ сталъ видѣть Ангеловъ, и Господь сталъ ему посылать пищу. Господь показалъ ему рай Божій и святыхъ.

И спросилъ св. Маркъ св. Серапіона: «Есть-ли теперь въ мірѣ святые, творящіе чудеса? Какъ Господь сказалъ въ Евангеліи: «Имѣйте вѣру Божію. Ибо истинно говорю вамъ, если кто скажетъ горѣ сей — поднимись и ввергнись въ море и не усумнится

въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его, будетъ ему, что ни скажетъ» (Марк. II, 23). Какъ только св. Маркъ сказалъ, внезапно гора двинулась со своего мѣста. Святой махнулъ на нее рукою и воскликнулъ: «Что съ тобою, гора, я тебѣ не приказалъ двигаться. Я только бесѣдовалъ съ братомъ, — ты же встань обратно на свое мѣсто». Послушалась гора святаго и встала обратно на свое мѣсто. А св. Серапіонъ упалъ отъ страха . . . Долго бесѣдовали святые.

Наступилъ вечеръ. Св. Маркъ сказалъ кому-то невидимому: «Предложи ужинъ брату». Опять испугался св. Серапіонъ, такъ какъ онъ не видалъ, къ кому обращался св. Маркъ. Невидимый Ангелъ Божій поставилъ въ пещерѣ два стола, положилъ два хлѣба, необыкновенно свѣтлыхъ и мягкихъ, которые сіяли какъ снѣгъ, принесъ красивые овощи, двѣ печеныя рыбы, маслины, финики, соль и корчагъ воды, которая была слаще меда. Когда св. Маркъ сказалъ: «Господи благослови!» — Св. Серапіонъ увидалъ простертую съ неба руку, которая перекрестила ѣду, благословила трапезу. Когда они кончили ужинъ. сказалъ опять св. Маркъ невидимому Ангелу Божію: «Возьми, братъ, это отсюда». Невидимый Ангелъ убралъ ѣду. Никогда св. Серапіонъ не ѣлъ такого вкуснаго хлѣба, не пилъ такой сладкой воды. «Каждый день Господь посылаетъ мнѣ одинъ хлѣбъ и одну рыбу» — сказалъ св. Маркъ

Онъ опечалилъ св. Серапіона, сказавъ ему, что этою ночью должны они разстаться. Этою ночью св. Маркъ долженъ умереть. Св. Серапіонъ сталъ со слезами просить, чтобы св. Маркъ умолилъ Господа, чтобы и ему сегодня умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но св. Маркъ отвѣтилъ — «Тебѣ еще надо жить, и ты не плачь въ день моего веселія, — я вѣдь ухожу ко Господу, а ты иди обратно, но знай, — ты вернешься необыкновеннымъ образомъ».

Передъ кончиною пещера, гдѣ жилъ св. Маркъ, наполнилась свѣтомъ ярче солнечнаго, и гора заблагоухала. Св. Маркъ поцѣловалъ рыдающаго Серапіона и простился съ нимъ. Съ неба прозвучалъ голосъ Божій: Господь звалъ св. Марка къ Себѣ. Св. Серапіонъ увидѣлъ, какъ Ангелы Божіи облекли душу св. Марка въ бѣлоснѣжную одежду и вознесли ее на небо.

Св. Серапіонъ омылъ тѣло св. Марка, заградилъ камнемъ пещеру и пошелъ обратно. Предсказалъ ему св. Маркъ, что онъ вернется необыкновеннымъ образомъ — такъ и случилось. По дорогѣ ему явились два отшельника, которые ему еще раньше разсказали о св. Маркѣ и повели его ночью по другому пути. Не успѣлъ онъ пройти совсѣмъ немного, какъ оказался около дверей церкви, возлѣ которой жилъ старецъ Іоаннъ, благословившій его искать св. Марка. Св. Серапіонъ разсказалъ старцу и его уче-

никамъ о великомъ святомъ Маркѣ. Всѣ прославили Господа и Его угодника и всѣхъ святыхъ, послужившихъ Спасителю Богу нашему, Ему же слава со Отцемъ и съ Пресвятымъ Благимъ и Животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Св. Маркъ преставился около 400 года, 130-ти лѣтъ.

Страданія св. священномученика Артемона.

13 апрѣля.

Когда царствовалъ злой царь Діоклетіанъ, посланы были въ разныя страны мучители христіанъ. Такъ, въ страну Лаодикійскую пришелъ мучитель по имени Патрикій. Передъ его пришествіемъ епископъ этой страны Сисиній со священникомъ св. Артемономъ ночью разрушили и сожгли всѣхъ идоловъ въ языческомъ храмѣ. Когда въ городъ вошелъ Патрикій и узналъ объ этомъ, то поспѣшилъ на конѣ къ христіанской церкви, чтобы тамъ перебить христіанъ и на куски посѣчь еп. Сисинія и св. Артемона. Онъ подъѣзжалъ уже къ церкви, какъ вдругъ заболѣлъ сильной лихорадкой, онъ упалъ съ коня и его отнесли на носилкахъ въ ближайшій домъ. Чувствуя приближеніе смерти Патрикій сказалъ: «Идите скорѣе къ епископу Сисинію и попросите, чтобы онъ помолился за меня своему Богу».

Епископъ Сисиній помолился, и Патрикій выздоровѣлъ. Вскорѣ неблагодарный забылъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ, Который спасъ его отъ смерти. Черезъ нѣсколько дней онъ на пути встрѣтилъ св. Артемона, идущаго съ охоты. Святой именемъ Божіимъ ловилъ звѣрей: за нимъ послушно шли два оленя и шесть дикихъ ословъ. Онъ велъ ихъ къ епископу для подарка, чтобы эти звѣри жили въ его красивомъ саду. Патрикій очень удивился, увидя дикихъ звѣрей, идущихъ какъ овечки за священникомъ. Но когда онъ узналъ, что св. Артемонъ христіанинъ, онъ, злой и неблагодарный ко Господу, велѣлъ связать веревками священника и вести его въ городъ. Святой обернулся къ звѣрямъ, идущимъ за нимъ, и приказалъ: «Идите къ епископу Сисинію». Звѣри послушались, пошли и стали передъ церковными воротами.

По Божіему повелѣнію, одинъ олень сказалъ человѣческимъ голосомъ епископу Сисинію: «Артемонъ взятъ злымъ Патрикіемъ, Божій рабъ послалъ насъ къ тебѣ». Испугался епископъ, когда услышалъ оленя, говорившаго человѣческимъ голосомъ. Опечалился онъ, узнавъ скорбную вѣсть о святомъ. Онъ послалъ своего діакона со слугою къ священнику Артемону, чтобы узнать, вѣрно-ли то, что говорилъ олень. Діаконъ побывалъ у св. Артемона въ

темницѣ и возвратился къ епископу Сисинію. Епископъ сталъ со слезами, день и ночь, молиться Богу о святомъ Артемонѣ. Однажды мучитель Патрикій повелѣлъ св. Артемону приноcти жертву Богу Асклипію. «Хотя я и не принесу твоему богу жертву», отвѣтилъ святой, «но я все же хочу посмотрѣть на твоего бога». А въ храмѣ языческого бога жили страшныя змѣи. Когда святой приблизился къ храму змѣи стали такъ свистѣть, что отъ шума храмъ сталъ колебаться, какъ дерево отъ бури. Святой именемъ Божіимъ на устахъ вошелъ въ страшный храмъ. Свистъ змѣиный затихъ. Святой повелѣлъ всѣмъ змѣямъ слѣдовать за нимъ. Послушались его страшныя змѣи. И начальникъ и народъ отъ страха убѣжали, увидѣвъ змѣй, выползающихъ изъ храма. Вслѣдъ бѣжавшимъ воскликнулъ св. Артемонъ: «Остановитесь, вы увидите, какъ силою истиннаго Бога умрутъ эти змѣи на глазахъ вашихъ». Святой дунулъ на нихъ — и умерли змѣи. Жрецъ идольскій Виталій припалъ къ ногамъ святаго, восклицая, что и онъ отнынѣ христіанинъ. Злой же начальникъ такъ и не увѣровалъ въ Господа, а за убитыхъ змѣй рѣшилъ мучить святаго. Онъ раздѣлъ до-нага старца Артемона и повелѣлъ положить его на раскаленную сковороду. Онъ приказалъ желѣзными остріями колоть его тѣло и рѣзать на части. Св. старецъ Артемонъ только молился Господу. Во время его молитвы къ святому вдругъ подбѣжалъ олень, котораго онъ еще раньше посылалъ къ епископу Сисинію. Олень сталъ лизать ноги мученика. Опять по Божіей волѣ онъ сталъ говорить. Онъ укорялъ злого мучителя и предсказалъ ему, что вскорѣ умретъ за то, что не повѣрилъ многимъ чудесамъ Божіимъ. Птицы небесныя схватятъ его и бросятъ въ кипящій чанъ. Не вразумился Патрикій, а повелѣлъ убить оленя. Копье пронзило однако не оленя, а слугу мучителя. На слѣдующій день Патрикій приказалъ приготовить чанъ со смолою, сильно его разжечь и бросить въ разсплавленную смолу мученика. Но Божіи Ангелы, ввидѣ двухъ орловъ, слетѣли съ неба, сняли съ коня Патрикія и бросили его самого въ чанъ, гдѣ и самыя кости его расплавились. Когда же св. старца Артемона бросили въ чанъ, то онъ остался невредимъ, изъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ — истекъ источникъ свѣжей воды. Многіе люди, видя такія великія чудеса Божіи, увѣровали въ Единаго Истиннаго Бога. Святой старецъ Артемонъ еще долгое время проповѣдывалъ христіанскую вѣру, исцѣлялъ больныхъ, но все же скончался мученическою смертью. Язычники отсѣкли его святую голову, и онъ отошелъ въ вѣчныя обители, чтобы принять вѣнецъ отъ Господа Іисуса Христа. Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе св. Акакія.

17 апрѣля.

Св. Акакій родился въ городѣ Мелетинѣ въ Арменіи. Родители его были люди благочестивые. Они молились и постились, чтобы Господь далъ имъ доброе хорошее дитя. Богъ услышалъ ихъ молитву и послалъ имъ сына.

Когда онъ выросъ, Господь сдѣлалъ его архіереемъ. И творилъ онъ многія чудеса.

Однимъ лѣтомъ была большая засуха, и народъ ожидалъ голода.

Однажды вышелъ святитель съ народомъ за городъ и сталъ служить обѣдню подъ открытымъ небомъ. Онъ не растворилъ въ святой чашѣ вино водою, а сталъ усердно молиться Богу, чтобы Господь Самъ наполнилъ дождевою водою святую чашу. И совершилось Божье чудо. Пролился сильный дождь, и не только наполнилась чаша, но и сухая земля напоилась водою.

Въ той странѣ протекала рѣка, и отъ дождя, въ другое время, стала она выходить изъ береговъ и заливать селенія водою. Святой подошелъ къ рѣкѣ, положилъ возлѣ берега камень и запретилъ рѣкѣ разливаться дальше этого камня. Послушалась вода великаго святаго и вошла разлившаяся рѣка въ свои берега.

Въ красивой долинѣ стоялъ идольскій храмъ. Святой, съ Божіей помощью, разорилъ храмъ и на его мѣстѣ воздвигъ церковь въ честь Пречистой Владычицы нашей Богородицы. Въ этомъ храмѣ святой совершилъ такое чудо. Кровля храма была плохо построена, и, когда святитель Божій совершалъ въ алтарѣ Божественную службу, вдругъ верхъ храма сталъ опускаться. Вотъ-вотъ должна была обвалиться кровля на испуганный народъ, который спѣшилъ въ страхѣ изъ церкви. Святитель воззвалъ ко Господу всею своею душою — и остановился въ воздухѣ уже падавшій верхъ храма. Онъ не падалъ, пока святитель не кончилъ Божественной службы. Когда же святитель вышелъ изъ церкви, крыша съ грохотомъ обвалилась. Вотъ какъ сильна была молитва избранника Божія!

Однажды святитель говорилъ народу въ одномъ храмѣ, а около церкви такъ громко щебетали ласточки, что люди почти ничего не могли слышать, о чемъ бесѣдовалъ съ ними святой. Тогда святитель, какъ къ разумнымъ, обратился къ ласточкамъ и во имя Божіе приказалъ имъ замолчать. Тотчасъ замолчали пташки — и не только затихли, но и совсѣмъ улетѣли отъ храма, покинувъ свои гнѣзда. Съ того времени, если ласточки и летали возлѣ храма, то никогда больше громко не щебетали — были тихія, точно нѣмыя.

Св. Акакій устроилъ больницу, часто посѣщалъ больныхъ, самъ имъ служилъ. Однажды лѣтомъ онъ пришелъ въ больницу и спросилъ больныхъ: «Всѣмъ ли вы довольны?» — «Намъ очень хорошо, — отвѣчали больные, только мухъ множество, онѣ не даютъ покоя». Святой помолился, и молитвою его выгнаны изъ больницы были мухи. Съ того времени ни одна муха не залетала въ больницу. Вотъ какіе чудеса творилъ святитель!

Другой разъ въ одномъ озерѣ онъ запретилъ жабамъ громко кричать. Жабы послушались и замолчали. Но святой, черезъ нѣкоторое время, разрѣшилъ имъ издавать звуки, но только негромко.

Однажды святитель изъ камня молитвою извелъ источникъ воды.

Такъ, сотворивъ многія чудеса, отошелъ онъ въ Божій рай, гдѣ славитъ Отца и Сына и Святаго Духа Единаго Бога, во вѣки. Аминь.

Житіе Св. Ѳеодора Сикеота.

22 апрѣля.

Въ землѣ Галатійской, въ селѣ Сикеи родился преп. отецъ нашъ Ѳеодоръ, потому и зовется онъ Сикеотъ, а Ѳеодоръ означаетъ Божій даръ.

Когда ему исполнилось шесть лѣтъ, мать купила ему золотой поясъ и драгоцѣнныя одежды воина: она думала, что когда онъ выроститъ, то сдѣлается воиномъ. Но во снѣ ей явился св. великомученикъ Георгій и сказалъ ей: «О жена, не трудись напрасно: Царь Небесный требуетъ Себѣ сына твоего». Марія проснулась и стала плакать, т. к. думала, что сынъ ея умретъ. Но не о смерти сказалъ великомученикъ Георгій, а о томъ, что ея дитя будетъ служить Богу.

Восьми лѣтъ св. отрокъ сталъ ходить въ школу. Онъ учился лучше всѣхъ другихъ дѣтей. Только играть съ ними не любилъ. Когда они ссорились, онъ ихъ мирилъ. Въ семьѣ св. Ѳеодора жилъ старецъ, очень благочестивый, котораго св. отрокъ любилъ, какъ отца. Мальчикъ увидѣлъ, какъ тотъ весь Великій постъ только разъ въ день вечеромъ вкушалъ кусокъ хлѣба съ водою, и онъ сталъ такъ же поститься. Когда онъ къ обѣду возвращался изъ школы домой, то мать приказывала ему ѣсть, но св. отрокъ отказывался отъ всякой ѣды. А чтобы мать не заставляла его ѣсть, онъ пересталъ возвращаться домой обѣдать изъ школы.

Онъ уходилъ на гору, гдѣ была церковь во имя св. великомученика Георгія. Здѣсь Святой являлся ему въ видѣ прекраснаго юноши. Когда же проходило время обѣда, онъ возвращался въ училище, какъ будто изъ дома. Вечеромъ его мать спрашивала: «Почему ты обѣдать не пришелъ?» «Я не выучилъ стиха, поэтому меня оставили на время обѣда», отвѣчалъ святой отрокъ. Мать стала просить учителя, чтобы онъ отпускалъ Ѳеодора обѣдать домой. Учитель удивился, что не приходитъ домой. Онъ сталъ увѣрять мать, что онъ каждый день отпускаетъ его обѣдать. Мать узнала, что отрокъ уходитъ въ церковь. Она послала туда рабовъ, чтобы они привели его домой обѣдать, но святой все таки не пошелъ съ ними, а остался въ церкви.

Десяти лѣтъ св. Ѳеодоръ тяжело заболѣлъ. Онъ уже былъ при смерти. Мать отнесла его въ ближайшую церковь, во имя св. Іоанна Крестителя, и положила передъ алтаремъ. Въ церковномъ куполѣ, подъ самымъ крестомъ, былъ образъ Спасителя. Съ лика Господня упали двѣ капли росы на больного отрока, и онъ тотчасъ всталъ здоровымъ и пошелъ домой, радостно восхваляя Господа.

Ночью, когда онъ спалъ среди своихъ домашнихъ, къ нему неоднократно приходилъ св. великомученикъ Георгій. Онъ будилъ его, говоря: «Встань, Ѳеодоръ, заря сіяетъ, настало время утреннихъ молитвъ, идемъ въ церковь св. Георгія». Св. отрокъ съ радостью вставалъ и шелъ въ церковь, а мать и домашніе его, проснувшись, безпокоились и удивлялись, куда пропадаетъ отрокъ. Когда онъ возвращался домой, мать строго запрещала ему выходить одному изъ дома до восхода солнца, т. к. ходилъ страшный волкъ, который похищалъ не только скотъ, но и маленькихъ дѣтей. Но святой не боялся волка и продолжалъ ночью вставать и уходить въ церковь. Однажды ночью проснулась мать, увидѣла пустую кровать отрока и разгнѣвалась. Она поспѣшила въ церковь и за волосы повлекла его домой. По дорогѣ она била своего сына. Никуда изъ дома она его не пустила, а на ночь привязала къ кровати. Въ эту ночь явился во снѣ ей и другимъ женщинамъ грозный великомученикъ Георгій. Онъ, потрясая мечемъ, говорилъ: «Отсѣку вамъ головы, если еще будете обижать отрока и запрещать ему ходить въ церковь». Мать и другія женщины разсказали другъ другу свой сонъ, испугались — и никто уже больше не запрещалъ св. Ѳеодору ночью посѣщать храмъ Божій.

Была у святого маленькая сестрица по имени Влатта, которая днемъ ходила съ нимъ въ церковь и старалась поститься и молиться, какъ ея братъ.

Когда святому было двѣнадцать лѣтъ, онъ увидѣлъ въ церкви ночью чудесное видѣніе. Онъ удостоился лицезрѣть Великаго Царя,

сидящаго на престолѣ въ славѣ. Множество воиновъ окружало Царя, а по правую сторону отъ Него стояла Пресвѣтлая Жена. Царь сказалъ святому отроку: «Потрудись для Господа. Я тебя награжу въ Небесномъ Царствѣ». Послѣ этого видѣнія онъ сталъ еще больше угождать Богу.

Врагъ рода человѣческаго ненавидѣлъ святаго за его подвиги. Онъ однажды принялъ образъ юноши Геронтія, который учился въ школѣ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ. Врагъ пришелъ за нимъ — погулять. Они взошли на холмъ. И тутъ предложилъ Ѳеодору лукавый: «Скачи внизъ отсюда». Благоразумный Ѳеодоръ отвѣтилъ ему: «Можно разбиться». — Тогда хитрый врагъ первый соскочилъ внизъ — и сталъ изъ глубины звать святого. Св. Ѳеодоръ размышлялъ — какой-же смѣлый Геронтій, что не побоялся прыгнуть съ такого крутого мѣста. Тутъ явился ему его защитникъ — св. великомученикъ Георгій. Онъ взялъ его за руку и сказалъ: «Это не Геронтій, а врагъ рода человѣческаго», и увелъ его въ свою церковь. Въ скоромъ времени святой совершилъ большое чудо. Одинъ благочестивый старецъ предложилъ св. отроку помолиться о прекращеніи засухи, и какъ только святой сталъ молиться — тотчасъ же небо покрылось облаками, и пошелъ дождь.

Когда святому исполнилось четырнадцать лѣтъ, онъ рѣшилъ навсегда оставить родительскій домъ и поселиться на горѣ, при церкви св. Георгія. Онъ выкопалъ въ горѣ, подъ алтаремъ, себѣ пещеру и сталъ тамъ жить. Мать посылала ему чистые хлѣбы и птицъ, вареныхъ и печеныхъ, но онъ всю ѣду клалъ на камень, возлѣ церкви, чтобы всѣ эти припасы ѣли люди или звѣри, а самъ питался просфорами, вкушая каждый день по одной. За такую трудовую жизнь далъ Господь ему даръ исцѣлять больныхъ и изгонять бѣсовъ.

Въ скоромъ времени еще строже сталъ подвизаться св. Ѳеодоръ. Онъ пересталъ ходить въ мягкихъ одеждахъ, надѣлъ на себя острую рубашку (изъ волосъ грубой шерсти) и затворился въ пещерѣ. Черезъ маленькое оконце одинъ добрый человѣкъ подавалъ ему кусокъ хлѣба и кувшинъ воды. Святой Ѳеодоръ тайно ушелъ въ эту пещеру. Никто не зналъ о немъ, кромѣ человѣка, приносившаго ему хлѣбъ. Такъ прожилъ онъ два года. Наконецъ, этотъ добрый человѣкъ не выдержалъ своего молчанія. Видя, какъ плачетъ о Ѳеодорѣ его родная мать — онъ разсказалъ ей, гдѣ находится ея сынъ.

Когда отворили пещеру, засыпанную землею и вывели на свѣтъ Божій св. Ѳеодора, то всѣ испугались его вида: онъ былъ похожъ на живого мертвеца, и голова его кишѣла червями. Мать захотѣла взять его скорѣе домой и позвать къ нему врача, но святой, надѣясь на помощь Божію, остался при церкви св. велико-

мученика Георгія, и голова его, черезъ нѣсколько дней, исцѣлилась. Такъ велика была его вѣра. И великъ былъ святой передъ Господомъ. Земля, взятая изъ пещеры, гдѣ онъ жилъ, исцѣляла больныхъ. Люди растворяли землю въ питіи или въ пищѣ, и принималъ Господь молитвы св. Θеодора, и исцѣлялись они.

Еще большіе подвиги принялъ на себя св. Θеодоръ. Онъ попросилъ кузнеца сдѣлать для себя желѣзную клѣтку, въ которой онъ сталъ жить, терпя холодъ, вѣтеръ, замерзая зимою, промокая осенью. Такъ любилъ онъ Господа, что ради Него терпѣлъ такія муки.

Не хотѣлъ св. Θеодоръ, а все же былъ, противъ своего желанія, поставленъ епископомъ.

Когда онъ сдѣлался епископомъ, одному благочестивому человѣку было отъ Бога о св. Θеодорѣ такое видѣніе: точно съ неба опустилась на церковь пресвѣтлая , превеликая звѣзда, которая своими лучами просвѣтила многіе города и страны. Эта свѣтлая звѣзда былъ св. Θеодоръ. Онъ былъ долгіе годы епископомъ, сотворилъ многія чудеса и скончался блаженною кончиною.

Передъ смертью ему явился св. великомученикъ Георгій и позвалъ его въ дальній путь. Другой разъ его покровитель небесный велъ съ собою коня: онъ обѣщалъ святому везти его въ другое царство. Веселяся сердцемъ отошелъ св. Θеодоръ ко Господу, Ему же слава честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ:

ВЕЛИКІЙ СБОРНИКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — содержитъ: **Часословъ, Воскресный Октоихъ,** и **Общую Минею** съ канонами, а также воскресныя чтенія апостола, 588 стр. Цѣна въ листахъ 8 долларовъ, въ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 12 долл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ, книга первая, — содержитъ всѣ чинопослѣдованія **Праздничной Минеи** за первое полугодіе церковно-богослужебнаго года: мѣсяцы, сентябрь — февраль (отъ Рождества Пресвятыя Богородицы до Срѣтенія Господня). 520 стр. Цѣна въ листахъ 7 долл. въ переплетѣ съ зол. тисненіемъ 10 долл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ книга вторая, — содержитъ всѣ чинопослѣдованія **Праздничной Минеи** за второе полугодіе церковно-богослужебнаго года: мѣсяцы, мартъ — августъ (отъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и кончая службой св. бл. вел. кн. Александру Невскому 30 авг.). 346 стр. Цѣна въ листахъ 6 доллар., въ переплетѣ съ зол. тисненіемъ 8 доллар.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ **Тріодь постная, — содержитъ** полностью службы **всей первой седмицы Великаго Поста** и **всей Страстной седмицы,** а равнымъ образомъ въ ней помѣщены полностью всѣ каноны и всѣ положенные по уставу трипѣснцы. 608 стр. Цѣна въ листахъ 9 доллар., въ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 14 долларовъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Тріодь Цвѣтная — содержитъ полностію службы Пасхальной седмицы, а также службы всѣхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней періода Цвѣтной Тріоди и службу Всѣмъ Святымъ въ Землѣ Россійской Просіявшимъ. 375 стр. Цѣна въ листахъ 7.00 долларовъ.

Въ хорошемъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 10.00 долл.